

18+

ВАЛЕРИЙ СТЕПНОВ

КЛЮЧ ВЕНЧАЛЬНЫЙ

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

Валерий Степнов

**Ключ Венчальный.
Повесть и рассказы**

«Издательские решения»

Степнов В.

Ключ Венчальный. Повесть и рассказы / В. Степнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566595-9

В остросюжетной повести «Ключ Венчальный» переплетены судьбы геологов, золотодобытчиков, летчиков. Умение выживать в тайге ничего не стоит без нравственных принципов. Экстремальные ситуации, в которых оказываются герои, проявляют лучшие качества в одних и худшие в других. Кто победит?

ISBN 978-5-00-566595-9

© Степнов В.
© Издательские решения

Содержание

Ключ венчальный	6
Отцовский прииск	7
Погребальный костёр	14
Мудрость тайги	21
Малый Брун	25
Островитянка	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ключ Венчальный

Повесть и рассказы

Валерий Степнов

Анна Степнова *Редактор*

© Валерий Степнов, 2022

ISBN 978-5-0056-6595-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ключ венчальный

Жизнь человеческая! До чего ты коротка и скоротечна. Не успеешь оглянуться, а силы на исходе, голова седая, и всё чаще живёшь воспоминаниями, украшенными воображением до значимости захватывающих приключений. Хотя есть материальные свидетели – охотничий нож с рукоятью из оленьего рога, карабин «Барс» и золотой слиток «лосиная голова». Иногда достаёшь их из надёжного тайничка на белый свет, разглядываешь, и они красноречивее слов убеждают тебя – всё это было.

Отцовский прииск

Отец таял на глазах. Тяжёлый недуг сделал из крепкого пятидесятилетнего мужика доходягу. Ехать в город на обследование он отказался наотрез. На все увещевания жены, двоих сыновей Мирон отвечал коротко:

– Отвяжитесь. Чему быть, того не миновать.

Он всю жизнь прожил в тайге, уезжал только на службу в армию. Отдал долг и опять вернулся в тайгу. Зимой добывал пушнину, летом мыл золотишко. Обычно в старательских артелях, иногда один. Привык рассчитывать на себя, никогда ни у кого и ничего не просил. Даже больной не захотел обращаться за помощью к врачам. Сначала лечился таёжными средствами – пил отвар берёзового гриба – чаги, медвежий жир, ел сырую оленью печень, молодые мягкие рога изюбря – панты. Ничего не помогало, и Мирон смирился.

Сыновья пошли в отца. Так же прицельно глядели на свет из-под лохматых бровей, любили охоту, рыбалку, с удовольствием ходили в тайгу. Однако топтать отцовские тропы не захотели. После школы оба уехали в город. Сначала один, потом другой. Оба поступили в училище гражданской авиации, стали лётчиками. При распределении попросились на местные линии в свой таёжный район. Желающих ехать в глухомань нашлось немного, и просьбу братьев охотно удовлетворили.

Летали они в одном экипаже на стареньком АН-2. Старший – первым пилотом, младший – вторым. К работе относились серьёзно. Скоро прослыли надёжными лётчиками, на которых можно положиться. Им доверяли ответственные рейсы по санитарным вызовам, спасательным, поисковым вылетам.

Родителей не забывали, часто навещались в посёлок Казачий, где они жили. Помогали по хозяйству. О своих делах особо не распространялись.

– Мы там, – показывал пальцем в потолок родительского дома старший Анкудин, – над людским дерьмом живём.

– И свежим воздухом дышим, – добавлял младший Евстафий.

От приезда к приезду братья видели, как тает отец. В конце зимы он наказал им взять отпуск на май и обоим быть дома.

– В тайгу поведу. По высокой воде лодкой дойдём до места. Покажу вам свой прииск, передам. К добыче приневоливать не стану. Моё дело показать, а решать вам. Одно скажу – богаче жилы не было и не будет. Захотите, в золоте купаться станете.

На том разговор был окончен. После майских праздников оба явились в дом отпусниками. Отец из кержацкого рода, богу родители не молились, но старую икону с почерневшим ликом в переднем углу держали, и по старому обычаю не пил, не курил, и сыновья ни к выпивке, ни к табаку не пристрастились. Приезд отмечали чаем с брусникой, мёдом под сдобные материны шанежки.

Отец едва поднялся с постели. Побрился, причесался, надел свежую рубашку. За столом сидел просветлённый и преисполненный непонятной сыновьям значимости. Будто собирался что-то сказать или сделать, чего все должны будут запомнить на всю оставшуюся жизнь.

Однако разговор шёл будничным, чего, сколько взять, когда смолить лодку и перебировать подвесной мотор. Патроны отец набил, ружья вычистил. На бревенчатой стене висели три двустволки 16-го калибра. Бывалая отцовская с побелевшими от времени стволами, и две новёхонькие вертикалки «бок-флинт». Имелся у них нарезной карабин «Барс». Братья сумели раздобыть, чем очень гордились. Держали его в самолёте. Нашлось там для него укромное местечко. Вслух о нарезном оружии мужики не говорили.

Евстафий, не любитель носить поклажу, заметил, что хватило бы им одного ружья на троих. Дескать, не сезон, стрелять всё равно некого. Отец поглядел на сына долгим, тягучим взглядом, тихонько обронил:

– У матери скалку возьми. Лёгонькая. Таёжник.

За три дня собрались. Полагали пробыть в тайге неделю, запасов взяли на две. Сложили всё в лодку, накрыли брезентом. Отец собрал себе чистое бельё, велел Анкудину положить в мешок.

– Зачем? – удивился тот.

– Надо, – отрезал отец.

Поднялись засветло. Мать встала ещё раньше, приготовила им завтрак. Молча поели, попили чаю. На прощанье присели, помолчали. Первым встал отец. Неожиданно для всех трижды перекрестился на тёмный иконный лик, поклонился. Подошёл к жене, поклонился ей.

– Прости, Аграфена, если что было не так.

Мать обомлела, всплеснула руками.

– Господь с тобой, Мирон. Неужто помирать собрался?

– Мало ли что. В тайге всякое бывает. Сама знаешь.

Надел шапку, пошёл к двери.

В лодке сыновья постелили отцу спальные мешки, поудобнее устроили его, накрыли брезентом. Анкудин сел на мотор, Евстафий спихнул лодку с берега, сильно оттолкнулся, ловко вскочил на ходу. Анкудин с первого рывка завёл отлаженный мотор, заложил на широкой глади реки крутую дугу. Они помахали стоящей на берегу матери. Узкая, по-щучьи длинная лодка легко пошла против течения.

Начинало светать. Первые лучи восходящего солнца окрашивали реку в малиновый, почти красный цвет, отчего вода казалась кровью. Аграфена испуганно крестилась.

– Пресвятая Богородица, спаси и помилуй их, грешных...

За первым поворотом Казачий скрылся.

За день они изрядно поднялись в верховье. Берега заметно сузились, течение ускорилося, хмурая, ещё по-зимнему чёрная тайга подступила к воде.

На каждом крутом повороте река наворачочала завалы из острых обломков стволов, корневищ. Всё хрупкое, гнилое, прелое вода обломала, обкромсала, обглодала добела, осталось смолистое живое железо, выставленное наружу пиками, ножами, клыками. Шивера. Они манили, завораживали взгляд скорой и неперемнной гибелью. Зевни только, и будешь трепыхаться на листовничной пике жучком на булавке. Правда, недолго.

Анкудин запоминал встречные шивера, прикидывал, как будет их обходить на обратном пути. Вверх по реке шивера не страшны. Если мотор заглохнет, и течением понесёт лодку, шестом можно оттолкнуться от завала, выскользнуть из гиблого места. Иное дело, когда вниз по течению, под мотором да на приличной скорости в него вмажешься. Зевнуть шиверок можно раз в жизни, потому что другого уже не будет.

Вверх и вниз по реке Анкудин ходил не раз, но всегда на моторе сидел отец. Лодку сыновьям он доверял на спокойных местах или на подходе к дому, чтобы пофорсили перед ровесниками. Сейчас не до форсу. Анкудин впечатывал в память каждый поворот, приметы по берегам. Там лобастый валун, там выворотень, там листовяга с обломанной вершиной. Минуя ориентир, оглядывался, запоминал, как он выглядит с другой стороны.

Отец ему помогал, показывал, куда держать. Вроде бы, дремал, а сам не спускал глаз с реки, закрученной в тугие пенные струи.

Как полагается по таёжным порядкам, на ночлег они остановились засветло. Лодку разгрузили, вытащили подальше на берег, крепко привязали к подмытому корневищу. Мало ли что может случиться ночью в верховье. Вдруг где-то в притоке завал прорвёт, вода покатится и лодку как языком слижет.

Отец не преминул напомнить сыновьям:

– Подальше положишь, поближе возьмёшь.

На высоком сухом берегу братья расчистили площадку для ночлега. Притащили из тайги сухие толстые лесины, нарубили валежника. Анкудин раскинул брезент для полога.

– Чего колготишься? – буркнул Евстафий. – Так что ли не переночуем.

Брат глазами показал ему на притихшего отца. День болтанки, на ветру, в сырости даром ему не прошёл. Дышал тяжело, с хрипом, под глазами залегли чёрные круги. Он обессиленно лежал на спальных мешках, иссохшие пальцы елозили по бортам суконной куртки, будто обирали невидимые крошки.

Полог они натянули в наклон. Ночью будет отбрасывать тепло костра на спящих, защищать от ветра или дождя. Под полог натаскали толстый слой елового лапника. Взялись готовить ужин. Когда стемнело, у них уже всё было готово – ночлег, еда, дрова на всю ночь.

На ужин сварили вермишель со свиной тушёнкой. Отец от жирного отказался, макал в кружку с чаем ржаной сухарь, нехотя, через силу жевал.

Ночью по брезенту мышиными лапками зашуршал дождь. Анкудин вылез из тёплого спальника, подбросил в костёр валежника, сверху прикрыл лапником. Укрытый от дождя огонь затрещал. Довольный собой Анкудин забрался в спальник и снова уснул.

Мирон не спал. С удовольствием отметил заботливость старшего сына. Младший с ленцой. Тот бы не встал. Сыновей он разбудил, едва забрезжил рассвет.

Под пологом одежда осталась сухой. Анкудин толкнул брата в бок.

– Кто вчера не хотел полог натягивать. Сейчас тряслись бы как цуцики.

Они быстро оделись, умылись с берега ледяной водой, и сон как рукой сняло. Позавтракали остатками ужина, разлили в кружки горячий чай.

Обступавшая тайга оставалась в утренней дрёме. Омытые ночным дождём лиственницы тянули над землёй голые чёрные сучья. Свисавшие с них лохмы лишайников набухли, отяжелели, сочились редкой капелью. Ни птичьего писка, ни шороха. Тишина накрывала, давила, и люди невольно переходили на шёпот. Даже река притихла, под полог едва доносился приглушённый рокот.

Они свернули лагерь, загрузили лодку. Ещё на берегу отец предупредил Анкудина:

– Гляди зорче. Часа через два по левой руке будет ручей. В него зайдёшь. Место неприютное, не проскочи.

Анкудин согласно кивнул головой. Выбрал момент, тихонько шепнул брату:

– Ты тоже не спи. Отец, похоже, на себя не надеется.

И всё-таки ручей первым заметил отец. Даже когда он поднял руку, сделал знак поворачивать, Анкудин ничего заметного на берегу не увидел. Кусты багульника в фиолетовых искорках первых цветов, полянки брусничника, редкий сосняк да многолетний вал плавника. Лишь зайдя в заливчик, отделённый от главного русла косой, разглядел устье впадающего в реку ручья.

В межень дальше тут ходу нет. Пришлось бы высаживаться, идти пешком. Сейчас имело смысл пройти под мотором ещё. Анкудин сбросил до малого газ, велел Евстафию шестом мерить глубину. Течение в ручье едва тянуло, отчего он больше походил на залив.

Когда глубины осталось не больше метра, решили не рисковать, дальше тянуть лодку бечевой. Дно каменистое, винт можно потерять в два счёта. Евстафий до паха отвернул голенища высоких сапог, перекинул через плечо капроновый шнур, легко потянул за собой лодку. Анкудин с кормы толкался шестом.

На людей снова навалилась плотная, почти осязаемая тишина. За всё утро им не встретилось ни единой живой души – ни кедровки, ни бурундука, ни белки. Тайга как вымерла.

Братья изрядно утомились, проголодались, а отец всё откладывал днёвку, обещал вот-вот дойти до места. Они обогнули очередной мысок и вдруг увидели лося. Всего в полусотне

шагов. Он стоял по колена в воде,пил. Оторвался, поднял тяжёлую горбоносую голову, увенчанную огромными рогами, поглядел на окаменевших людей. С губ его падали капли, и в лодке отчётливо слышали их звонкое бульканье.

– Вот и хозяин встречает, – чуть слышно выговорил отец. – Дошли.

Лось уловил неведомый ему человеческий голос, шевельнул чуткими ушами, однако не дёрнулся, не кинулся бежать. Спокойно перешёл ручей, поднялся на берег, оглянулся и скрылся в чащобе. Братья переглянулись – вот это диво. Они никогда не видели, чтобы зверь так близко подпускал человека. Значит, его никто никогда не пугал.

Дальше ходу не было, ручей перегораживала плотина. Вода переливалась через брёвна, подпёртые покатым откосом из камней. Братья только головами качали – экую махину отец отгрохал. Зачем-то ему понадобилось поднять уровень воды в ручье. Расспрашивать не стали. Захочет, сам расскажет.

– Тять, ты вроде в гидростроители подался, – пошутил Евстафий, – осталось турбину поставить, и в каждую берлогу по лампочке.

Отец заметно оживился, сам выбрался из лодки, велел сыновьям идти за собой.

Вышли на просторную поляну. С ней открывался вид на другой берег, на пологую сопку. Лесистый склон прорезала широкая, будто специально прорубленная полоса. Над сопкой возвышалась плоская базальтовая скала.

– Отстой, – пояснил отец. – Лось там от волков спасается. Чуть серые пугнут его, он этой полосой летит наверх, забегает на камень и как в крепости.

Мальчишками они часто ходили с отцом в тайгу. Однажды видели, как волки взяли сохатого. Гнали, видно, долго. Волки вывалили языки, хватали снег. Лось тяжело раздувал бока, норовил вырваться с открытого места, добраться до сосняка, чтобы хоть сзади обезопасить себя. Звери не видели людей и живым клубком из рогов, копыт, оскаленных клыков, хвостов, рычания и тяжёлого дыхания катились прямо на них.

Мальчишки перепугались, прижались к отцу, торопили перестрелять волков. Отец медлил, чего-то ждал. И дождался. Самый нетерпеливый молодой волк прыгнул на лося, норовя вцепиться ему в горло. Мгновением раньше лось выбросил переднюю ногу и копытом кремнёвой твёрдости проткнул волка через грудную клетку насквозь.

Повисший на ноге труп сковал лося. Он никак не мог его стряхнуть. Волки не упустили удобный момент, с двух сторон вцепились ему в горло, в пах, и лось рухнул. В тот же миг отец вскинул двустволку и двумя выстрелами уложил двух волков. Пока перезаряжал, стаю словно ветром сдуло.

Когда они подошли, лось ещё дышал. Отец достал нож, полоснул ему по горлу. Домой они вернулись с тремя волчьими шкурами и горой лосиного мяса. Потом долго вспоминали и рассказывали друг другу, как они втроём еле сдёрнули волка с лосиной ноги.

Евстафий предусмотрительно захватил лётную карту, компас. Сейчас внимательно разглядывал линии высот, извилистые ниточки рек, ручьёв.

– Мы здесь, – ткнул он в квадрат с голубым кругляшком, – а перед нами ключ Венчальный.

На карте красным карандашом был прочерчен маршрут их полётов из города гидростроителей Усть-Улыма в районный центр с коротким и непонятым названием Чуя.

Оказывается, братья летали в этих местах. Всего-то в шестидесяти километрах от Венчального. На их АН-2 двадцать минут лёта. Может, даже пролетали над этой сопкой. Чем-то она показалась им знакомой. Профессиональная память лётчиков цепко схватывала ландшафт, ориентиры.

На краю поляны чернело пятно старого кострища. Под раскидистой елью высилась груда впрок заготовленных дров, заботливо укрытых пластами лиственничной коры.

– Благодать, рубить не надо, – поразился Евстафий. – Тятя навалил, хоть баню топи.

– Нет, сынки, нынче дровишками займётесь всерьёз, – возразил отец. – Пошли, покажу, где инструмент храню.

Под еловым выворотнем лежали лопата, ведро, старательское сито, отдельно лучковая пила и топор, завёрнутые в плёнку. Отец велел всё забрать, идти за ним. Сыновья раньше не прекословили отцу, сейчас, глядя на его просветлённое лицо, чувствовали значимость момента и не перечили. Им предстояло узнать что-то необыкновенное, ради чего жил отец, долгие годы держал в тайне от всех и теперь собирался доверить им.

Мирон пересёк поляну, вышел на берег. Сделал несколько шагов вправо, влево, нашёл прямую, соединяющую заломаную листовенницу на том берегу и скалу-отстой на вершине сопки. Показал пальцем под ноги.

– Копай, Анкудин, здесь. Ты, Евстафий, бери сито, будешь мыть.

Анкудин сгрёб прошлогоднюю пожухлую траву, срезал верхний слой, пронизанный бесчисленными корешками. Дёрн резал аккуратными квадратами, складывал в сторонку. На случай, если придётся возвращать его на место для маскировки. Чистый песок вперемешку с галькой бросал в сито.

Евстафий подхватил сито, зашёл поглубже, опустил в воду, круговыми движениями начал гонять породу. Течением уносило белёсую муть. Помаленьку убыстрял вращение, наклонял сито на одну сторону, сбрасывал через борт гальку, песок. Вода в сите становилась всё чище, и вдруг по сетчатому дну мазнуло жёлтым, маслянистым.

Ему не требовалось объяснять, что это такое. Евстафий оторопел, глядел на золото, не веря своим глазам. По ситу жёлтыми мурашками густо разбежались самородки. Он протянул сито отцу, брату, безмолвно спрашивая, как такое может быть, не снится ли ему.

Братья не одно лето помогали отцу мыть золотишко, знали толк в старательском деле, но такого богатого съёма никогда не видали и даже не слышали.

– Выкинь, – обронил отец. – Тут этого добра как грязи.

Евстафий послушно опрокинул сито, прополоскал от жёлтых блёсток. Только что он подержал в руках свой заработок месяца за три, здесь добытый за пять минут.

– Опрокинь коряжку, – велел отец Анкудину и показал на обломок с корнями. – Разгреби маленько да полегче – там стекло.

Через минуту Анкудин поднял литровую банку, закрытую капроновой крышкой. Держал он её с видимым усилием. Сквозь стекло просвечивало золото. В банке самородки были покрупнее, с бруснику, с кедровый орех.

– Поглядели? Клади на место.

Братья молчали, ждали объяснений. Отец продолжал загадывать загадки.

– Берите топоры, валите сухостой потолще, пилите на трёх- и двухметровые концы. На том месте, где Анкудин брал породу, поставьте сруб на шесть венцов. В середку поплотнее накидайте валежника. Да сухого, чтоб как порох горел. Из лодки принесите канистру с бензином, поставьте рядом. Постарайтесь, сынки. До ночи надо успеть. Потом расскажу вам, что к чему. Пойду прилягу, сил нет.

Они разошлись в разные стороны. Отец направился к пологу, натянутому над охапками свежего лапника. Сыновья зашли подальше в тайгу и застучали топорами. Потом зазвенела пила и уже не смолкала до самого вечера.

Мирон повесил над костром ведро с водой, подбросил сушняку. Пока искал в пожитках свой узелок с бельём, раздевался, вода нагрелась. Будто со стороны он видел своё измождённое тело, радовался, что никто не видит его унижительной беспомощности, не жалеет и не сочувствует. Он всю жизнь не выносил ни слёз, ни соплей. Себя не жалел и к другим жалости не знал.

Мочил полотенце в воде, обтирался с головы до ног. Остатки воды вылил себе на голову. Вспомнил, как матушка маленького мыла его в корыте, скупывала и приговаривала:

– С гуся вода, с Мирошеньки худоба.

Надел чистое бельё, новую рубашку, неношенные брюки. Снятое вместе с полотенцем свернул в тугой узел, положил в изголовье и лёг. Только теперь Мирон почувствовал, как устал, как мало у него осталось сил. Настолько мало, что уже рискует не дожить до назначенного часа, оставить задуманное незавершённым. Надо было выходить в тайгу дня на два пораньше. Запас, хоть продуктов, хоть времени, никогда не мешает.

Он лежал лицом к ручью, к сопке, к мысочку, где сыновья споро ставили сруб. Они уже заканчивали, закладывали в середину сушняк. Пришли усталые, молча сели.

Мирону хотелось знать, догадываются сыновья, что он задумал, или нет. Если догадываются, то худо, могут помешать. Надо им глаза в сторону отвести, для начала сказать истинную правду.

– Жизнь моя кончилась. Ни о чём не жалею. Жил вольно, как сам хотел. Сейчас хочу одного – после смерти остаться в тайге. И останусь. Вы это, сынки, запомните и волю мою исполните.

Солнце село, ярче вспыхнул костёр. Где-то неподалёку с неба упали трубные клики гусиного клина. Перелёт. Усталые птицы хотели опуститься на воду, но костёр их спугнул, и они потянули дальше.

– Лосиный отстой на сопке, заломаная листвяга на том берегу, сруб, что вы поставили, на прямой линии, – еле слышно продолжал Мирон. – По ней залегает жила. От сруба на полсотни шагов в воду выход самородного золота. В банке оттуда. Самое богатое место. Я построил плотину и затопил его, чтоб чужой глаз не зацепился. Золото ваше.

Братья слушали отца и будто плыли в хмельном тумане. Обоих с головой заливала радость. Они отворачивались, прятали глаза, чтоб не выдать кощунство радости у ложа умирающего. Отец не замечал состояния сыновей, продолжал их наставлять.

– Золото с собой не берите. Если брать, то сразу всё, чтоб никому не досталось. Начнёте мыть, не останавливайтесь, пока не отработаете жилу. Или не начинайте вовсе. Придут другие времена, вы своё возьмёте. Не украдкой, открыто. Только не торопитесь, золото надо брать без суеты, иначе себя погубите. И вот что ещё.

Мирон оживился. Сыновьям почудилась в его голосе лукавинка.

– Золотишко удобнее носить и хранить в слитках. Завтра я вам отолью один. Дров вы запасли. Знатная получится плавка.

Стемнело. Звёзды мерцали ярко, холодно, обещали на завтра погожий день и заморозок под утро.

Несмотря на пережитые волнения, аппетит у братьев не пропал. Они сварили кулеш, щедро приправили его салом, луком. Первым делом попытались накормить отца.

– Нет, – отказался он. – Душа не принимает. Ешьте сами да отдыхайте. Завтра у вас будет тяжёлый день.

После ужина они забрались в спальники, повалились как подкошенные, но долго не могли заснуть. Наконец, сон всё-таки сморил их. Они затихли, задышали ровно, глубоко.

На ночь братья сладили нодью. Положенные рядом два сухих бревна горели ровно, без треска. Под полог от них наплывало тепло. Ковш Большой Медведицы опустился до самой земли, стоял поперёк небосклона.

– Всё, вода вылилась, – подумал Мирон. – В ковше сухо. Мне пора.

Он поднялся, повесил на плечо свою старенькую двустволку, прихватил узелок с бельём, потихоньку побрёл через поляну к чернеющему срубу. Он глядел на него всю ночь и дошёл бы даже с закрытыми глазами. Мирон потрогал брёвна сруба. Они показались ему тёплыми. Бережно положил наверх двустволку, узелок, закинул тяжёлую суконную куртку. С канистрой обошёл вокруг сруба, полил бензином все четыре стены. В канистре оставалось на четверть. Он и её положил наверх. Разулся, босые ноги приятно холодила сырая земля. Сапоги тоже

полетели вверх. Он не хотел оставлять после себя ничего запачканного болезнью, вызывающего брезгливость.

Тихонько ступая с бревна на бревно, поднялся вверх. Валежник под ним затрещал. Вниз по ручью всполошились гуси. Он расстелил посередине куртку, сел на неё. Зарядил в оба ствола патроны с волчьей картечью. Полил вокруг из канистры. Взял курки. Осторожно упёр приклад в сучья, стволы направил под сердце, босыми пальцами ног нащупал спусковые крючки. Чиркнул спичкой, бросил огонёк на валежник.

– Не судите, люди... Прости меня, Господи...

Грохнул двойной выстрел. Ударной волной кинуло последнюю молитву Мирона к небесам. Вокруг него с гулом взметнулось пламя. С воды в ночное небо поднялись встревоженные гуси.

Погребальный костёр

Сдвоенный выстрел хлестанул предрассветную тайгу, к небу с рёвом взметнулся огненный столб.

Выстрелы вырвали братьев из глубокого сна. Какое-то время они соображали, кто и зачем мог стрелять, но яркое зарево и рёв пламени заставил их выбраться из спальных мешков. Сруб, сложенный из сухих, смолистых брёвен и доверху забитый валежником, полыхал со всех четырёх сторон, бело-красное пламя рвалось к светлеющему небу. Они кинулись к огню, ещё не зная, что могут сделать, но уже сознавая свою беспомощность и несоизмеримость человеческих сил перед стихией огня.

Остановились, когда лица им больно стегануло жаром. Ни подойти ближе, ни уйти они не могли, оцепеневшие смотрели в огонь. В середине пекла видели неподвижное тело отца.

На какой-то миг пламя сникло, и отец вдруг зашевелился, сел, протянул к ним руки, словно просил вызволить из адского жара. У обоих волосы встали дыбом. Не дождался, рухнул на своё огненное ложе.

Мелкий валежник горел быстро, оседал, тело опускалось, скрывалось за венцами сруба. Скоро всё кончилось, костёр прогорел. Жар опадал, угли подёргивались седым пеплом.

Они знали твёрдый характер отца, не сомневались в его способности на решительные поступки. Однако своим просчитанным до мелочей уходом из жизни он поразил их. Не под минутным порывом отчаяния принял решение, а ещё зимой задумал, когда велел им взять отпуск на весну, чтобы сводить в тайгу, показать золотую жилу. Они не могли себе представить, что среди живущих на земле могут быть люди с подобной силой воли. Таким оказался их отец.

Подавленные, они долго стояли у горячего кострища, думали, как поступить, что предпринять. Решили везти сюда участкового. Пусть подтвердит факт самоубийства, иначе их затаскают – трупа нет, свидетельства о смерти нет, посмертной записки отца тоже нет, а словам нынче не верят.

Они быстро загрузили лодку. Продукты в мешках подняли повыше на деревья. Старательское сито спрятали в тайник. Решили плыть без ночёвки. Лишь бы засветло пройти опасные шивера.

Домой приплыли поздно ночью. Мать не спала и не ложилась – сердце щемило. Увидела сыновей, охнула, без сил опустилась на стул. Они обняли её с обеих сторон, рассказали, как всё произошло. Объяснили, зачем нужен участковый. Анкудин утром идёт к нему, берёт с собой, и они возвращаются. Ей надо собираться, хорошо бы через час быть готовой. О золоте промолчали.

Участковый, молодой, только окончивший милицейскую школу лейтенант ещё спал. На ранний визит не прогневался, между двумя долгими зевками промычал – ни сна, ни отдыха измученной душе. Выслушал Анкудина внимательно. В поразившем братьев оживлении отца, когда он поднимался из пламени, протягивал к ним руки, никакого чуда не обнаружил, всё объяснил. Под воздействием высокой температуры сухожилия в трупe сокращаются, отчего он шевелится, кажется живым. В криминалистике есть термин «поза боксёра». Её фиксируют, когда труп пытаются сжечь.

– Никакой мистики, – снисходительно заключил лейтенант, – не забивайте голову.

Откровенный рассказ оробевшего Анкудина расположил участкового. Он принял его за деревенского простака, не способного обмануть, да ещё после пережитого шока. Не стал допытываться, зачем так далеко забрались, почему отец выбрал именно это место, чем оно примечательно. Его устроила поданная Анкудином версия о послушных сыновьях. Поехали принять от отца охотничьи угоды, и всё. На самоубийство у отца имелась уважительная причина – не хотел мучиться, быть обузой. Он был обречён и знал это.

Договорились отправиться из Казачьего с утра пораньше, чтобы за полный световой день дойти до места. Так и сделали. Третья ходка по одному маршруту делала её проще, безопасней первой, и Анкудин давил газ до упора.

Вечерело. Анкудин направил лодку ближе к фарватеру, зорче вглядывался в пенные гребешки, издавдала угадывал подтопленные стволы, коряги. От места прошлой ночёвки он начал прижиматься к правому берегу, чтобы зайти в ручей без резкого, заметного поворота, по отлогой дуге. Ещё на берегу братья договорились отвести глаза участковому, чтобы один он не смог найти дорогу к отцовскому прииску.

Маневр брата Евстафий понял, одобрительно кивнул. Теперь они оба вцепились глазами в темнеющий берег, отсчитывали метры до поворота. В ручей вошли точно. Милиционер очень удивился, когда вдруг сузились берега, а Евстафий перевалился через борт и потянул лодку бечевой.

На место пришли в потёмках. Братья в два счёта развели костёр, натянули полог, сварили ужин. Где-то неподалёку гоготали гуси, мерцали холодные звёзды. Тихо, боясь потревожить сыновей, плакала мать.

Наутро братья отправились искать прямоствольную лиственницу на крест. Древесина у неё тяжёлая, плотная. Если пилить ствол над водой, опилки тонут как железные. В старательских артелях за неимением запасных деталей вытачивали из лиственницы блоки, и подъёмные механизмы прекрасно работали. Крест из неё простоит сто лет.

Милиционер дотошно исследовал кострище. Убирал по угольку, пока не обнажился скелет. Пролом в грудной клетке слева говорил о выстреле в упор. Верхняя часть лопатки оказалась разбита. Значит, стреляли снизу вверх, что характерно для самоубийства.

Получалось, он неплохо выполнил баллистическую экспертизу. В протоколе можно отметить. Уголовное дело заводить не придётся из-за отсутствия состава преступления. Лейтенант сел писать протокол, останки разрешил захоронить.

Мать пристроила на сучок привезённую из дома икону, зажгла восковую свечку, тихо молилась.

Братья взялись копать могилу. Через полметра началась мерзлота, лопаты зазвенели об лёд. Быстро натаскали валежника, развели костёр. После жаркого пламени земля оттаяла ещё на два штыка. Решили дальше не рыть, чтобы не вывалить невзначай золотиносный песок. Мать достала белое полотно. Они расстелили на дно могилы, бережно перенесли косточки. Скелет наметился практически полностью. Кости плохо горят. Накрыли другой половиной савана. По сибирским обычаям сделали над останками домовину, настил из коротких сосновых плашек. Все бросили по горсти земли. Попросили участкового засыпать могилу – негоже сыновьям закапывать отца.

Крест получился непреподъёмный. Он стал третьим ориентиром на прямой линии, показанной отцом – отстой на вершине сопки, заломанная лиственница и теперь крест. Установили, обложили основание камнями. Участковый ходил по берегу, бросал камешки. Подошёл к коряжке над банкой, небрежно попинал. Братья не упускали его из виду, искоса поглядывали, и сейчас у обоих перехватило дыхание. Вздохнули, когда он пошёл дальше.

Загорелись тут же возвращаться домой. Плыть ночью рискованно, но уж очень им хотелось избавиться от участкового – как бы чего не вынюхал. Затею расстроила мать.

– Нешто за отцом заторопились, сынки?

Они послушались мать. Решили отправляться завтра, до рассвета, чтобы потемну пройти ручей, к утру выйти на большую воду.

Дома по отцу справили поминки, отметили девять дней. Мать тужила, что оставили отца в тайге. Похоронили бы на кладбище, она могла сходить на могилку, поплакать. Сыновья рассказали ей про его последнюю волю, и она смирилась.

Утром оба выходили на двор, заводили бензопилу и пилили припасённые отцом брёвна. Некоторые пролежали не один год, изрядно подопрели. Всё расхватали на мерные чурбаки. Потом в два колуна взялись колоть.

Мать жалела их, уговаривала бросить.

– Куда столь наваяли. Хватит. Вам отдохнуть надо, скоро отпуск кончится. На рыбалку сплавайте, любите ведь.

– Успеем, мам, – отвечал рассудительный Анкудин. – Дров запасём и сплаваем на Бирючью косу. Там хариусы поди заждались.

Дрова перекололи, сложили в сарай, щепки убрали, опустевший двор причесали граблями. Позвали печника переложить печь. Сами месили глину, подавали кирпичи и управились в один день. Вечером мать на шестке жарила им яичницу и всё нахваливала новую печь.

– Тянет-то как хорошо, ребята. Прямо кошку через дымоход протащит.

Братья постарались обиходить родительский дом, чтобы мать жила без лишних хлопот. Поправили калитку, забор. Целый день копали огород, на другой наделали грядки и посадили картошку. Свёклу, морковь мать посеет сама.

Наконец, дела подобрали и решили, что могут отправиться на отцовский прииск. Всем представят, будто собрались рыбачить. Бренчали вёдрами, котелками, грузили в лодку палатку, спальники, спиннинги. Мать просили не беспокоиться, если задержатся недельки на полторы. Если рыбалка не заладится, вернутся раньше.

Ещё в детстве отец показал им Бирючью косу, и с тех пор она была их любимым местом рыбалки. Там в реку впадал быстрый холодный ручей. В устье жировали хариусы, хватали падавшую в воду мошкарку. Иногда попадался таймень, но редко. Как говорил отец, по нынешним временам легче американского шпиона поймать, чем тайменя.

Полая вода пошла на убыль, коса поднялась, обнажила галечный берег в горах нанесённого топляка. Братья выбрали местечко почище, пристали. Нетерпеливый Евстафий рванулся было к ручью, но Анкудин его остановил.

– Не торопись. Давай поставим платку, запалим костерок, обозначимся. Кто мимо проплывёт, нас заметит. Пусть думают, будто мы и правда рыбачим.

От воды веяло ледяной свежестью. По берегам ручья лежали пласты подтаявшего крупнозернистого снега. В нём хорошо рыбу хранить. Чуть прикопал, и хоть неделю пролежит.

Солнце пригревало. Братья разделись и с удовольствием нежились в ласковых лучах. Всё-таки май на исходе, весна в разгаре. Вовсю цвёл багульник. Листья на нём ещё не распустились, а фиолетовые лепестки цветов радовались новой жизни. Сквозь прошлогоднюю пожухлую траву пробивались широкие листья черемши.

Они пучками рвали свежие, хрустящие побеги, с удовольствием ели, наслаждались острым чесночным вкусом. Решили на обратном пути набрать побольше. Мать солит черемшу на зиму. Получается запашистая и вкусноты необыкновенной. Особенно хороша с варёной картошечкой. Солёная черемша ко всему идёт – и к рыбе, и к мясу, и к салу. Говорят, витаминов в ней прорва, для долгой сибирской зимы как раз, что надо.

На видном месте поставили палатку, развели костёр. Чтобы дым был позаметнее, подбросили в костёр сырых дров. Взяли спиннинги и разошлись по разным берегам ручья. Каждый достал коробочку со своими «мухами», выбрал самую уловистую. Хотя угадать было не просто. Иной раз приходилось весь набор перепробовать, пока удавалось подобрать единственную, которая сегодня пришлась бы по вкусу капризному хариусу.

Спиннингами братья владели мастерски. Кидали чуть ли не под берег друг другу, только соблюдали очередь, чтобы лески не переклестнулись.

Первым хариуса вытянул Евстафий, чему Анкудин был даже рад. Честолюбивый, завистливый брат весь день бы страдал, если первая добыча досталась не ему. Тут же Анкудин и сам подсёк здорового хариуса. Спиннинг гнулся дугой, миллиметровая леска гудела гитар-

ной струной. Рыба металась из стороны в сторону, искала слабинку, чтобы рвануться и сойти с крючка. Анкудин был опытный рыбак, поставил катушку на тормоз, держал леску в натяг.

Под берегом хариус вынырнул с глубины, пошёл верхом, дал себя разглядеть. Выглядел он внушительно – зубастая пасть нараспашку, жаберные крышки в стороны, плавники торчком. Весь расшеперился, тормозил и сопротивлялся каждой клеточкой своего упругого, сильного тела. Анкудин дал ему хватануть воздуха и в тот же миг выдернул на берег.

Хариус пролетел у него над головой и шмякнулся далеко позади. Рыба сверкала влажным серебром чешуи, от головы до хвоста переливалась зелёным и красным, в глазах горела живая ярость. На какой-то миг Анкудину стало жалко эту неземную красоту, но он пересилил себя, ударил рыбину головой о камень. Недолгие судороги пробежали по рыбьему телу, и хариус затих.

Евстафий знал у рыбы место за головой и надкусывал его зубами. Не раз учил брата, но Анкудин так и не смог брать в рот живую рыбу – и брезговал, и боялся.

Через час у обоих было десятка по полтора. С хариусом так – или ловится, или его нет вообще. До вечера было ещё далеко, можно бы порыбачить, но они изрядно проголодались, обоим хотелось скорее отведать хариуса на рожне, как его готовят на Байкале.

Анкудин взялся чистить рыбу. Отобрал полдюжины покрупнее, выпотрошил, отмахнул головы, хвосты. Тушки разрубил на три куска, развернул книжкой и по одному насадил на остро заточенные прутья.

Вот и хариус на рожне. В старину это слово обозначало острую часть копья. Копий давно нет, а слово осталось у байкальских рыбаков.

Евстафий развёл костёр из сухих берёзовых сучьев. Пламя горело ровно, жарко. Анкудин втыкал прутья с рыбой вокруг костра, наклонно к огню. Когда воткнул последний, на первом рыба уже пузырилась, шкворчала, покрывалась золотистой корочкой. Точно выбранное расстояние до огня позволяло рыбе жариться, но не гореть. Тонкие куски насквозь пронизывало острым жаром.

Скоро от костра поплыл чистый, не отягощённый подгоревшим маслом аромат рыбы. Анкудин повернул куски к огню другой стороной, велел Евстафию приготовить чистую бересту. Он сталкивал на неё готовую рыбу и тут же насаживал на прутья другую порцию. Эту решили жарить послабее, чтобы рыба получалась сочнее.

К ужину перед ними высилась золотистая гора хариуса, лежали пучки свежей черемши. Оба непьющие, водка для разгона или для аппетита им не требовалась. Они удобно сидели на спальных мешках, довольные собой, жизнью. Ровно горел костёр, в котелке, только что снятом с огня, напревал крепко заваренный чай. Для аромата бросили в него горсть смородиновых почек.

В берег плескала неспешная волна, погромыхивала галькой. За косой плюхались на воду утки, громко кричали. Завтра они снова наловят хариуса, нажарят, а могут сварить уху. Эдакую наваристую, густую, чтобы ложка в ней стояла торчком, и губы от юшки склеивало. Могут и не ловить. К утру будет готов малосольный хариус. Он тоже хорош. Насолили эмалированное ведро. Могут на утренней зорьке уток настрелять, зажарить в углях или кулеш сварить. Его можно похлебать горячим, можно остудить и побаловаться холодной утятинкой.

Да мало ли чего можно, когда в руках сила есть, сноровка имеется, кровь горячей струёй по жилам бежит. Так у них будет завтра, послезавтра и ещё много лет.

Стемнело, небо украсилось яркими, чистыми звёздами, обещая на завтра погожий день. Костерок уютно потрескивал, манил не торопиться, посидеть ещё.

Пожалуй, первый раз со дня кончины отца они расслабились и по-настоящему отдыхали.

– Слушай, браток, чего сказать хочу, – начал Анкудин, прихлёбывая из кружки запашистый чаёк. – Одна забота нам от отцовского наследства. Как от коровы в Индии – и доить не полагается, и выгнать нельзя. На кой нам это золото. Мы что, без него плохо живём? Чего

делать с ним? Ну, намоем пуд, а куда денем? Даже домой взять нельзя, так и будем перепрятывать да трястись. Начнём подозревать друг друга, перецапаемся, озлобимся. Ты парень-кипяток, под горячую руку ещё пришибёшь меня.

Евстафий постучал согнутым пальцем по пустому котелку, потом по лбу брату.

– Улавливаешь, старшой? Одинаковый звук идёт.

– Я кроме шуток. Свяжемся мы с золотом, потом не развяжемся. Люди рассказывают, оно прилипчиво. Тятя правильно делал, не трогал его. И нам наказывал не суетиться. С государством делиться не охота, с фарцовщиками связываться опасно – золото заберут, а расплатятся свинцом.

– Дыши глубже, Анкудин. Курочка ещё на гнёздышко не села, а ты уж за яичко страдаешь. Жить надо, решая задачи поэтапно. Сначала надо намыть этот пуд, потом задумываться, куда деть.

Костёр догорал, прохладная темнота окутывала братьев, они уже едва различали друг друга, говорили откровенно, будто думали вслух.

– Америка, между прочим, не так уж и далеко, через Берингов пролив, – размышлял Евстафий. – На нашем керогазе полчаса лёту. Соображаешь? Перевестись в Чукотский авиаотряд труда не составит, останется выбрать подходящий момент для перелёта.

– Ждут тебя в Америке, не дождутся. Как из Остапа Бендера золотишко вытряхнут, самому пинка под зад дадут, и покатишься, опережая собственный визг, прямо в дружеские объятия родной милиции. Тут пару пятилеток будешь мыть золотишко где-нибудь на Колыме. Только бесплатно.

– Так и будет, если переть напролом. С умом надо. Можно изобразить американцам вынужденную посадку. Приземлиться где-нибудь на приметную полянку, золото спрятать под кочкой, до поры, до времени помалкивать. Когда пыль осядет, достать и по частям пускать в дело.

– Шустряк. Уже всё продумал.

– Лстишь, старшой. Чистый экспромт. Нам надо продумать, как оборудовать прииск, забросить снаряжение, продукты, чтоб никто не видел, не слышал. Понадобится всего много. Вот это проблема. Имеется у меня одна идея. Для её реализации понадобится лётчик экстра-класса. Если хорошенько поискать в наших рядах, то, пожалуй, и найдём.

Оказывается, ещё в первый приезд Евстафий обратил внимание на сопку по другую сторону ручья. У неё характерный, почти пологий склон, а одна сторона голая, без леса. Будто кто просеку прорубил. Если с неё убрать кустарник, то получится посадочная полоса.

– Ты что, сбрендил? Или головку на солнышке напекло? Кто на такую крутизну сядет? По инструкции уклон на полосе может быть не более двух с половиной процентов. По той сопке только на лыжах кататься. Нет, нереально.

– Я бы тоже так думал, если своими глазами не видел посадку на гору.

– Где ты её мог видеть? Во сне?

– Нет, в кино. Помнишь, мы с тобой в город за рацией летали. Я тебя в кино звал, а ты отказался. Показывали про колумбийскую мафию. Там бывший военный лётчик летал в джунгли за кокаином. Приземлялся он на гору. Я подумал, киношный трюк. Пошёл на следующий сеанс, чтобы получше разглядеть. Нет, всё натурально. На подлёте он сбрасывает скорость, выпускает закрылки и парашютирует. Только шасси касаются земли, врубает газ и жмёт на вершину. Там разворачивается на одном колесе, и готов на взлёт. Ему забрасывают груз, он опять по газам, отпускает тормоз, срывается по склону вниз, моментально набирает скорость и взлетает.

– Какой самолёт?

– Крохотуля моноплан, типа «Сессна».

– Это бабочка. На крышу может сесть.

О посадке на сопку братья больше не говорили. Попили чайку, посидели у костра, поглядели на мерцающие угли, забрались в палатку и улеглись спать.

Поднялись рано, ещё не светало. Позавтракали вчерашним хариусом, быстро свернули лагерь, погрузились в лодку и отправились напрямик на прииск. Евстафия манило золото, Анкудина – сверхсложная, на грани циркового номера посадка на сопку.

Ручей обмелел. Им пришлось выйти из лодки и весь путь до прииска тянуть её бечевой. Оба взмокли, но отдыхать не стали, пошли обследовать сопку.

На вершине оказалась просторная площадка, вполне достаточная, чтобы развернуть самолёт на 180 градусов. Смутила венчавшая вершину базальтовая глыба. Правда, она смещена в сторону и не должна бы помешать.

С вершины и до подножия склон скатывался голой безлесной полосой. Если её продолжить через стену сосен, лиственниц через ручей на другой берег, то она упрётся в крест над отцовской могилой. Зимой лиственницы обнажатся, крест будет виден издали и может служить посадочным знаком.

Как многие лётчики, братья были суеверны, и положение креста на одной линии с полосой их смутило. Они постарались отвлечься и принялись изучать склон. Кое-где торчали невзрачные сосенки, стелились плети кедрового стланика. Если хорошенько помахать топорами, то за пару дней можно очистить. Придётся убрать камни, засыпать ямки.

Наблюдательный Анкудин разглядел едва заметную на склоне тропу со следами лосиных копыт. Значит, лось частенько навещал свой отстой.

– Вот бы засидку сделать, загорелся Евстафий, – сразу мясом обеспечимся и пару волков добудем.

– Может, мы с эти лосем и без засидки повстречаемся, – задумчиво обронил Анкудин. – Тропинки в тайге узкие.

За два дня расчистить полосу они не успели, кончили на третий. Разохотились и собрались было в её продолжение прорубить просеку. Решили, не стоит. С самолёта могут заметить, вздумают выяснять, что к чему, а им чужое любопытство ни к чему.

На том подготовку полосы и закончили. Им предстояло ещё много другой работы с обустройством. Надо построить добротное жильё, чтоб было где отдохнуть, укрыться от непогоды, сложить продукты, снаряжение. Особой роскоши не надо, а хорошее зимовьё будет в самый раз. Место выбрали в густом сосняке, чтобы меньше бросалось в глаза.

Работа предстояла серьёзная. На месте лес рубить нельзя, придётся уйти вверх по ручью километров на десять, там валить сосны, пилить на мерные брёвна и сплавлять вниз. Плотина их задержит. Тут выловить, перетаскать под сосны и ставить сруб. Всё остальное – оконные рамы, двери, кирпич, рубероид, цемент, даже глину придётся забрасывать самолётом.

Они поднялись по ручью, выбрали место, где сосны близко подступали к берегу, разбили лагерь и принялись валить лес. Больше двух, трёх сосен по соседству не пилили, опять же чтоб не засекли с воздуха. Очень пригодилась предусмотрительно захваченная бензопила.

Дело спорилось. Они пилили сосну, сразу кряжевали её, расхватывали на мерные брёвна, кроны, сучья оттаскивали в стороны, готовый кругляк несли к ручью.

Братья работали с утра до ночи, но время поджимало. Они явно не успевали сплавить лес, тем более поставить сруб. Отпуск кончался. А им ещё предстояло наловить рыбы, обеспечить мать и подтвердить наблюдательным соседям своё пребывание на рыбалке.

Лето пролетело как один день. К концу ноября снег плотно укутал тайгу. Братья поставили свой АН на лыжи. Дважды им выпадал рейс из Улыма в Маму без пассажиров, и оба раза они заворачивали на свой прииск.

Оба раза самолёт сажал и поднимал Анкудин. Всё получалось чисто, садились на три точки – на две лыжи и хвостовой лыжонок. Евстафий запоминал маневры брата, мысленно

наносил их на бегущую под крылом тайгу, где начинал разворот, где заходил на посадку, с какого места сбрасывал газ, когда выпускал закрылки и переходил на парашютирование.

Они завезли кирпич на печку, оконную раму, рубероид. Третий рейс решили сделать скобяным, загрузить гвозди, петли, скобы, печную дверку, плиту, колосники. Груз получался компактный, но тяжёлый. Анкудин пообещал брату доверить ему в этот раз посадку и взлёт.

Мудрость тайги

Тайга позволяет дожить до глубокой старости и спокойно отойти в мир иной только своим любимым детям – деревьям. Говорят, до семисот лет живут величавые кедры, до трёхсот – медно-ствольные сосны, до двухсот – невзрачные лиственницы с нежно-розовой и крепкой как железо древесиной. Если её пилят над водой, то опилки тонут и мерцают живым светом с тёмной глубины.

Долго живёт кедровый стланик. Когда-то он, наверное, был настоящим кедром. Однажды ветер забросил или птица кедровка принесла шишку на каменистый склон. Слабый росток, проросший на скудной почве, был изломан свирепым ветром, прижат к холодным камням. Так и вырос немощным, хилым, дал крохотное семя, из которого вырастали чахлые ростки, опять сломанные ветром и прокалённые на открытом склоне жгучим морозом.

За тысячелетнюю эволюцию сформировался кедровый стланик. Не дерево, не куст, а нечто похожее на виноградную лозу, ползущую по холодным камням гористых сопок. Но как настоящий родит шишки с кулачок пятилетнего ребёнка, а в них орешки с подсолнечное семя.

Кедровый стланик переплетается стволами, ветвями и образует упругие заросли, через которые нет ходу ни человеку, ни зверю. Крепкие и упругие, словно пружинная сталь, стволы могут раздвинуться, пропустить ногу под тяжестью грузного тела, потом сомкнуться капканом и никакими силами не разомкнёшь захват. Живёт стланик долго и умирает естественной смертью. От старости засохнет, годы будет гнить, осыпаться трухой, пока не ляжет благодатной почвой для своих собратьев.

Стланик даже на дрова не годится. Срубишь причудливо закрученный ствол, но ни за что не выдернешь из общей путаницы, только намаешься, махнёшь рукой и отойдёшь, решив на будущее никогда с ним больше не связываться.

Всем живущим в тайге старческая дряхлость не грозит. Они заканчивают свой жизненный путь на двух рубежах – в детские беспомощные годы или за порогом зрелости, когда мышцы теряют стальную твёрдость, сдаёт слух, притупляется зрение. Важнее слух, потому что в таёжной чащобе всё равно далеко не видно, приближающуюся опасность клыков и когтей надо заблаговременно услышать. Когда увидишь, может быть поздно.

Лось-великан был в самом расцвете сил. Полтонны мышц, сухожилий, костей в чёрно-бурой шкуре венчала тяжёлая горбоносая голова. Его огромные, полутораметровые в размахе рога украшали семь остроконечных отростков. По ним удалось бы определить примерный возраст лося. Ему могло быть и семь, и восемь лет. Годы в тайге не учитывают.

Он благополучно прожил первые полные опасностей годы, когда по слабости и полному отсутствию опыта мог стать лёгкой добычей волка, рыси, росомахи или медведя. Его старшего брата, первенца лосихи, родившегося за год до него, загрыз старый волк-одиночка. Выследил, когда молодая по первому телёнку лосиха отошла на водопой, вцепился ему в горло и задушил.

Лосиха метнулась на помощь телёнку, но опоздала. Волк затаился в буреломе, ждал, когда лосиха оставит мёртвого детёныша. Ему нечасто теперь перепала такая добыча. Всю зиму он перебивался падалью и сейчас облизывался в предвкушении обильной поживы. Лосиха простояла весь день. Тельце остыло, и она ушла.

Волк до отвала наелся нежного мяса. Потянул остатки в укромное местечко прикопать. Ему хватило бы ещё не один раз насытиться, но запах крови привлёк росомаху. Волк ощерился, клацал тупыми клыками, пытался отогнать нахлебницу, но силы были неравны. Старый, ослабевший, он уже не мог противостоять молодой, полной сил и наглости росомахе. Волк благо-разумно удалился. Могучие челюсти росомахи перемололи даже копытца лосёнка.

Лосиху мучило распирающее вымя. Она мало пила, перестала есть, и выделение молока прекратилось. Жестокий урок не забыла. Через год у неё родился другой лосёнок. От этого она

не отходила ни на шаг. Место для отёла выбрала на берегу ручья, чтобы вода была рядом, и ей не приходилось отлучаться от новорожденного.

Не отпускала телёнка ни на шаг. Водила за собой на водопой, на кормёжку. Отдыхать ложилась на краю открытых полей, дремала и чутко слушала тайгу. От постоянного напряжения у неё обострился слух. Слышала беззвучный поскок куницы и настораживалась. Лёгкие шаги волчьих лап громыхали в её ушах тревогой, заставляли вскакивать. Она угрожающе фыркала, готовая растоптать любого, кто осмелится приблизиться к её детёнышу.

Молочный дух от телёнка манил хищников. Обильная слюна стекала с острых клыков. Мощь бурой лосихи, копыта кремнёвой остроты и крепости, способные проткнуть волка насквозь, материнская самоотверженность заставляли обходить её стороной.

Лосёнок подрос, окреп, и она стала водить его на вершину сопки. Здесь у неё был отстой. Пологой стороной склон катился в распадок и выходил на берег ручья. На вершине лосиха ложилась головой к распадку, спокойно отдыхала. Застигнуть её врасплох тут было невозможно. На длинном открытом склоне она заметила бы даже горностая.

Постоянная напряжённость матери передавалась лосёнку, он всасывал её вместе с молоком, усваивал как естественный образ жизни.

Через год лосёнок отстал от матери, начал самостоятельную жизнь. К этому времени он уже твёрдо усвоил – беспечность не прощается. Правда, если осторожность переходит в трусость, то тоже ничего путного не выйдет. Если всего бояться, трястись от шороха упавшего листа, день и ночь таиться в чащобе, то можно от голода ослабеть и опять же попасть в зубы любому, кто любит тёплую кровь.

Молодой лось ел много. Обгрызал осиную кору, поедая молодые побеги ивы, обкусывал сосновые свечки, лакомился сладкими цветами кипрея, осенью отъедался на грибах. Любил пастись по берегам ручья. Здесь густо росли молодые осинки. Там, где ручей широко разливался, они с матерью добывали водоросли.

Лосиха заходила по брюхо, макала в воду голову, выхватывала пучки водорослей, с хрустом жевала. Лосёнок был ещё мал и, чтобы достать лакомый корм, ему приходилось окунать голову по уши. В воде он как-то нечаянно открыл глаза, увидел рядом ярко-зелёные водоросли, потянулся и нырнул с головой. Ничего страшного с ним не произошло, наоборот, получил прекрасный пучок водорослей. Лосёнок ещё несколько раз опустился с головой и научился нырять.

Его сородичи не один год паслись на водорослях, но никто не умел нырять. Он был единственный. К осени на мелководье водоросли кончались. Лось смело уходил на глубокое место, нырял, доставал водоросли и всегда был сыт.

Вода стала для него ещё хорошей защитой от волков. Когда его преследовала волчья стая, он бежал к ручью, мчался в туче брызг по мелководью, глубокие места преодолевал вплавь. Хищники оставались на другом берегу, провожали его голодными глазами, но в воду лезть не решались.

Лось так и жил возле ручья. Обходил его по одному берегу, по другому, то удаляясь, то приближаясь, открывая новые места кормёжек и отдыха. Он часто ходил через болота. Инстинкт подсказывал ему, где под тонким слоем воды оставалась твёрдая почва.

К середине лета на болотах появлялись соблазнительные зелёные лужайки. Он прельстился и угодил в трясины. Спасся только благодаря своей осторожности. Когда под передними ногами ушла опора, он рухнул на бок, перевернулся через спину и опрометью кинулся от опасного места. Однажды узнав коварство трясины, он уже не поддавался соблазну попасть на зелёных лужайках болот.

Лось запоминал чреватые опасностью обстоятельства и старался их избегать. Ему одного раза хватило, чтобы узнать и навсегда запомнить коварство льда на его любимом ручье.

В конце осени ударили крепкие морозы, но снег ещё не выпал. Слабое течение выше запруды не могло противостоять морозу, вода покрылась гладким как стекло льдом.

Лось после ночёвки вышел на берег ручья, двинулся к воде. Привычная, всегда доступная вода вдруг оказалась твёрдой как камень и скользкой. Ноги его разъехались, он упал и больно ударился грудью. Странная твердь под ним затрещала, прогнулась, он от испуга забился, попытался вскочить, но копыта скользили по гладкой поверхности. Лось встал на колени, потихоньку поднялся и короткими шажками вышел на берег.

На водопой он стал ходить выше по ручью, где вода долго не замерзала. Часто жажду утолял снегом. Больше не выходил на лёд. Зимой жил возле сопки с отстоем. Предусмотрительность не раз его спасала.

На четвёртый год жизни ему выпало тяжкое испытание. Волки напали на его след и погнали к замёрзшему озеру. На льду они бы легко его взяли, как уже не однажды брали оленей, косуль и даже лосей. Волки взяли его в тесное полукружье. Едва он попытался свернуть в сторону, как рядом взлетала серая тень, щёлкала зубастой пастью, норовя вцепиться ему в горло. Он испуганно прыдал и нёсся вперёд.

Лось лучше волков знал родные места и сумел спастись. Он вывел погоню к поваленной бурей сосне и резко свернул под защиту вывороченного корневища. Волки сбились, замешкались, а ему хватило нескольких секунд оторваться, выскочить на открытый склон сопки и стрелой взлететь на скалу отстоя. Здесь он развернулся навстречу стае и стал неуязвим. Броситься на лося спереди, под острые рога и разящие копыта не отважится ни один хищник. В открытую с лосем не справится даже медведь.

Волки в азарте погони пытались запрыгнуть на отстой сзади, сбоку. Безуспешно, только царапали когтями обледенелую стену базальта. Лось не обращал внимания на их обходные маневры, зорко следил за узкой тропинкой перед собой.

Скоро волки поняли бесполезность попыток, сняли осаду, цепочкой, один за другим ушли вниз по склону, растворились в густеющих сумерках.

Лось простоял на скале до утра. С восходом солнца спустился, побрёл в молодой осинник. Быстро объедал горькие ветки, поминутно замирал, слушал тайгу. Обычно он здесь не кормился, берёг молодую поросль для особого случая, такого, как нынешний.

От непогоды молодой великан укрывался под кроной раскидистой сосны. В дождь под хвойным шатром было сухо, в метель тихо. Отсюда открывался хороший обзор, ни подойти, ни подползти к нему незамеченным было нельзя. Сверху его закрывала густая крона.

Меньше всего он ждал опасности сверху. Его враги жили на земле, передвигались скользящей волчьей поступью или тяжёлой медвежьей развалкой. Он всегда слушал звуки, идущие от земли – треск валежника, вздохи хвойной подстилки, стук гальки на берегу ручья. Суета бурундуков, цоканье белок, птичьи голоса его не беспокоили. Заполoshные крики кедровки или стрекотанье сороки предупреждали его обо всём необычном. Он настораживался, далеко стороной обходил опасное место.

Лось уже привык, что сверху ему ничто не грозит, потому был изрядно напуган, когда с неба послышался звук, похожий на долгий гром. Ему много раз доводилось попадать в грозу, видеть ослепительные вспышки молний, слышать оглушительные раскаты грома. То было летом. Сейчас стояла зима, а гром нарастал, давил, повергал его в панический ужас.

Лось напролом кинулся к спасительному отстою. То, что издавало грохот, быстро настигло его, отрезало дорогу к сопке. Он метнулся в сторону и стремглав помчался прочь.

Он уже не видел, как летящий над тайгой самолёт пошёл на снижение. Едва не задев чёрные вершины лиственниц, развернулся на свободную полосу по склону сопки, нырнул за стену высоких сосен, резко взмыл, в тот же миг коснулся земли и помчался вверх по склону. Наверху, буквально в трёх шагах от обрыва взревел мотором, круто развернулся и встал на свой след.

Тут же в открытую дверь полетели ящики, тюки. Следом выпрыгнул человек. Он сложил всё в кучу, накрыл брезентом, перетянул верёвками, поднялся в салон и захлопнул за собой

дверь. Ещё через минуту самолёт взметнул облако снежной пыли и ринулся вниз по склону. Казалось, через секунду он врежется в лес, однако в последний момент оторвался, круто взмыл в ясное прокалённое морозом небо. Обвальнй грохот придавил тайгу. Скоро снова воцарилась тишина, только с потревоженных деревьев падали сухие хвоинки, чешуйки коры, пятнали чистый снег.

Самолёт прилетал ещё и также быстро улетал. Лось уже не испытывал панического ужаса, однако ноги сами несли его к спасительному отстою. Каждый раз самолёт опережал его, отрезал дорогу к сопке.

В то памятное ему утро он поднялся с ночной лёжки затемно. Густая бурая шерсть с зимним подшёрстком и толстый слой жира, накопленного за осень, хорошо защищали его от стужи, и ему были не страшны самые сильные морозы. Однако они вызывали голод, и он почти непрерывно ел. Особенно сильно хотелось есть по утрам. Скучная по зимнему времени, еда требовалась в огромном количестве, и он целыми днями обгрызал кору осин, скусывал тонкие ветки, вершинки.

В окрестностях ручья опять появились волки, и он пасся, не уходя далеко от сопки. Насытившись, держался поближе к склону. По колее, оставленной самолётом, ему легко было взбежать наверх.

Нарастающий гул с неба застал лося у подножия сопки. Он стоял в чащобнике, слушал пугающий его гул. Лось ещё оставался под кронами сосен, когда обвальнй грохот ударил ему в спину, заставил выскочить из тени на открытый склон сопки и броситься на вершину к спасительному отстою.

Малый Брун

Серые волны мерно раскачивали выкрашенный серой шаровой краской экспедиционный катер. Он стоял на якоре на безопасной дистанции от берега, где волны словно молотом бухали в серые прибрежные камни, дробились, взлетали пенными фонтанами и с грохотом водопада рушились вниз.

Вечная работа моря, титаническая и однообразная в своей неизменности с колдовской силой тянула глядеть, завораживала вселенской неизбежностью. Что бы ни случилось в мире, какие катастрофы не потрясали человеческое общество, море будет гнать и гнать свои волны, ворочать валуны, дробить камни, в песок перемалывать гальку с неотвратимостью восхода и захода солнца. Хотелось слушать и слушать грохот прибоя, всматриваться в его завораживающий хаос, чтобы осмыслить готовую вот-вот открыться истину бытия.

С высокого спардека берег разглядывал капитан катера, выискивал местечко, куда бы подойти на шлюпке. Здесь собирались высадиться геологи.

Предстояло сделать геологическую съёмку острова. Работа не из тяжёлых, и начальник партии Бруно Янковский собирался выполнить её один. Хотя помощники ему бы не помешали. Дело в другом. Его давно донимала дочь просьбами свозить на необитаемый остров и оставить её там пожить. Девочка без капризов, редко чего просит, и он решил выполнить её желание.

Как любой нормальный отец Бруно любил дочь. Ещё и уважал. Маленькую он звал её Яна-язычница. Она совершенно не боялась животных. Могла подойти к любой свирепой собаке, погладить, и та никла под маленькими ладошками. Не брезговала брать в руки мышей, лягушек. Ей непременно требовалось знать, кто откуда берётся, как растёт, почему так называется. Донимала его расспросами, как из малюсенького орешка вырастает огромный кедр, и почему у него иголки, а не листочки, почему шишки, а не ягодки, откуда семена знают, какими деревьями им прорасти. Яна боготворила природу. Лес называла дедушкой, речку бабушкой, разговаривала с ними. Что поразительно, слышала ответ и нередко пересказывала его, чем повергала взрослых в изумление.

Бруно и сам был готов поклоняться духам земли, воды, всему растущему и живущему. Самую большую и самую красивую, в его представлении, реку Лена любил как женщину. Приходя на берег, опускался на колени, припадал губами к воде и чувствовал, что не пьёт, а целует её.

Когда к ним в экспедицию на практику приехала студентка-третьекурсница Лена, он увидел в совпадении имён перст судьбы и без памяти влюбился в неё. Только вернулись в город после окончания сезона, немедля сыграли свадьбу. Ровно через девять месяцев у них родилась дочь. Назвали её Яной, по имени притока Лены, красивой и своенравной таёжной реки.

Оба геологи, они с пяти лет стали брать с собой дочь в экспедиции. Редкий день девочка не удивляла взрослых сверхъестественным восприятием природы. Например, она никогда не видела грибы, не собирала, не знала, как называются, но безошибочно отделяла съедобные от ядовитых. Однажды принесли в лагерь целое ведро, собрались жарить. Яна вертелась около ведра, прыгала, болтала, вдруг затихла, насупилась.

– Там лежит злой гриб, – указала пальчиком на ведро. – Он хочет нас отравить. Его есть нельзя.

Ради интереса вывалили грибы на полог, перебрали, и каково же было удивление геологов, совсем не обосновательно считающих себя знатоками грибов, когда среди великолепных рыжиков, маслят нашли крохотную поганку, очень похожую на молоденький подосиновик.

Бруно пытался выпросить у дочери, как ей удалось распознать поганку. Ведь та лежала под слоем грибов, может быть, на дне ведра. Наповал был сражён её объяснением.

– Мне дедушка-лес нашептал. А ты разве не слышал?

Взрослые многое не слышали и не видели из того, что было доступно ребёнку. Как-то после долгого перехода они вышли к речке, собрались остановиться на днёвку. Зелёная поляна, берег в зарослях рогаза, рядом сосновый лес. Дрова есть, вода под боком, что ещё надо. Яна закапризничала, ни за что не хотела тут оставаться. Видите ли, бабушка-речка просит уйти с берега, потому что утки выводят здесь утят, и мешать им нельзя.

Бруно уступил дочери, повёл отряд вниз по реке. Километра через полтора вышли к чистой песчаной косе с горой намытого плавника. Место для лагеря оказалось ещё лучше. Открыто, продувает ветерок, относит мошку. Вытаптывать нечего, мусор после себя легко убрать, и не останется следов.

Недели через две он зашёл на ту поляну, где хотели остановиться, и поразился обилию цветов. Ромашки, колокольчики, лютики, таволги сплелись в сплошной благоухающий ковёр. Наклонился, чтобы нарвать своим девочкам букет и вдруг явственно услышал тоненький голос Яны.

– Не рви – им больно.

Подумал, что у него начинаются галлюцинации. Последнее время много работал, мало спал, и вот результат. Бруно знал, как Яна любила цветы, любовалась ими. Вдруг вспомнил, что она никогда не рвала их, хотя ей никто не запрещал. Подумал и сам не стал рвать.

Бруно присел в тенёк. Ему захотелось побыть тут, затаиться, посмотреть, послушать. Он успел забыть разговор с дочкой об утках, высиживающих тут утят, и вдруг увидел сразу два выводка. За взрослыми утками на чистую воду выплывали по десятку крохотных пушистых утят. Значит, в тот день, когда они зашли на поляну, утки сидели на яйцах. Кладки наверняка бы погибли, и птенцы не появились на свет, если геологи разбили тут лагерь. Утки не выносят соседства с людьми и покидают гнёзда.

Бруно ещё раз подивился способности дочери чувствовать живое. Впервые задумался, как сохранить ребёнку необыкновенные способности до взрослой жизни. Ведь дети ближе к природе, у них ещё не задавлены инстинкты, не потеряна способность естественного восприятия окружающего мира. Яна уникальный ребёнок, истинное дитя природы.

Из всех игр, забав, развлечений Яна больше всего любила лечить. Крохотными пальчиками с маленькими острыми ноготками она ловко вытаскивала занозы, кончиком язычка вылизывала из глаза соринку. Никто её не учил, сама придумала. С проникательностью зверёныша находила нужные травки, листочки, накладывала на раны, ушибы, нарывы, и всё как рукой снимало.

В основном её пациентами были рабочие, нанятые из бомжей и бывших заключённых. Они копали шурфы, дробили породу, рубили дрова и чаще других получали травмы. Люди грубые, жёсткие, особой воспитанностью они не отличались, свободно обходились словарным запасом в полсотни слов, в основном матерных. Не в силах произнести фразу без ругательства, при девочке они цепенели, мычали и объяснялись знаками.

Бригадир землекопов за пристрастие к очень крепкому чаю, полученному в местах не столь отдалённых, имел кличку Чифирь. Яна приняла её за настоящее имя и вежливо называла его дяденька Чифирь. На лесоповале он заработал радикулит, и теперь его частенько скрючивало в знак вопроса.

Яна вылечила. Обложила ему спину нагретой у костра галькой, потом встала голыми ножонками на поясницу, потопталась, даже попрыгала, села на плечи и принялась пяточками растирать больное место. Чифирь морщился, кряхтел, но скоро блаженно расслабился и затих. За три сеанса она избавила его от радикулита. Чифирь не верил своему счастью, глядел на Яну с суеверным обожанием и готов был для неё хоть луну с неба достать.

Когда Яна научилась читать, её любимыми книжками стали определители птиц, рыб и сборник лекарственных растений. Восхищалась пестиками, тычинками, стебельками, лепестками и приглашала родителей разделить её восторги.

– Мама, папа, посмотрите, какая стройная девочка ветреница отогнутая, – кричала она, – а дымянка аптечная вся в кружевах, будто Золушка на балу.

Родители разглядывали картинки, соглашались. Их обоих радовал необыкновенный интерес дочери к природе и восхищала её феноменальная память. Всё прочитанное Яна запоминала слово в слово и безошибочно могла сказать, от каких болезней принимают ту же ветреницу отогнутую или дымянку аптечную, какими травами лечат язву или бронхит.

После восьмого класса Яна собралась в медицинское училище, чтобы стать медсестрой и немедленно приступить к лечению людей. Родителям с великим трудом удалось уговорить дочь окончить школу и поступить в медицинский институт. Отец сумел задеть совсем не дремлющее самолюбие дочери, определив медучилище и работу медсестрой как слабый ход. Дескать, будучи дипломированным врачом, она всегда сможет работать медсестрой, а медсестре не позволят работать врачом даже в поселковом фельдшерско-акушерском пункте. Более того, если она самовольно займётся лечебной практикой, привлекут к уголовной ответственности. У нас в стране разрешено лечить только дипломированным врачам. Если ей хочется быть знахаркой, вздрагивать от каждого стука в дверь, то впредь и выше – в училище её приняли ещё вчера.

Перспектива стать знахаркой Яну не устроила. Она окончила школу и поехала поступать в медицинский институт. Её заметили ещё на собеседовании.

Председатель приёмной комиссии, известный в городе профессор-невропатолог мучился от головной боли. Он едва сидел, обеими руками держался за лоб. Яна подошла, не спрашивая разрешения и не стесняясь, положила ладони ему на виски, подержала, помассировала шею, затылок. Боль тут же прошла.

– Вам надо с месяц поспать на подушке с хмелем, – посоветовала она профессору, – на ночь пить настой мяты.

Сидевшие за длинным столом члены комиссии открыли рты, не зная, как им реагировать, то ли умиляться детской непосредственности абитуриентки, то ли возмущаться нахальством провинциалки. Ясность внёс сам профессор короткой фразой, произнесённой вслед уходящей целительнице.

– Если эту девочку не примем, то кого тогда принимать.

Через час фраза стала известна всем преподавателям, принимавшим экзамены. Режим благоприятствования Яне был обеспечен. Хотя она и не значилась в списке «нужных» абитуриентов, по всем предметам получила пятерки, в институт поступила, получила стипендию и место в общежитии. Так Яна начала самостоятельную жизнь.

К тому времени родители осели в таёжном посёлке с чудным названием Чуя. Отец руководил большой геологической экспедицией, занимался разведкой золота. Он разработал теорию о совместимости пиритизированных углистых сланцев с самородным золотом. Теория подтверждалась богатейшим месторождением, найденным именно в районе Чуи. Теперь геологи определяли его контуры и запасы.

– На будущий год пошлю отряд вот сюда, – стучал отец пальцем по карте. – Очень нравится мне это местечко. Тектонический разлом, жилы углистого сланца тяготеют именно сюда. Здесь может быть большое золото. И почти на поверхности.

Под пальцем отца Яна разглядела маленький голубой кружок с извилистым хвостиком. Под ним значилось «Ключ Венчальный». Название понравилось. Интересно, кого там венчала глухая тайга. Разве что беглого каторжника с красавицей-шаманкой.

Подтверждение своей теории отец искал на севере России. В зону интересов включил архипелаг Шпицберген. По вечерам раскладывал толстенные географические атласы, внимательно изучал карты, делал выписки. Читал всё, что удавалось найти о русском севере, отмечал даже мимолётные упоминания золота, угля, сланца. В его представлении полезной могла оказаться любая, самая ничтожная деталь.

Однажды в журнале вычитал удивительную историю о четверых поморах, проживших на необитаемом острове в Баренцевом море долгих шесть лет. Связался со своими коллегами в Архангельске, и ему выслали ксерокопию очерка академика Л. Руа, опубликованного в 1766 году и подтверждавшего подлинность приключений поморов.

Бруно приводили в совершенный восторг некоторые совпадения той истории с его биографией.

– Представляешь, – ликовал он, – поморы вернулись в Архангельск 28 сентября 1749 года, ровно за двести лет до моего рождения. День в день. Это не всё. Остров Эдж, на котором они жили, в те времена назывался... Ни за что не угадаешь как.

– Папа, не тяни.

– Малый Брун.

– У нас не семья, а географический атлас. Маму называли по реке, меня – по притоку, а тебя – по острову. Ты говорил, наши предки ссыльные поляки, бабушка с дедушкой тебя называли в честь своего кумира Джордано Бруно.

– Слово «брун» весьма распространено в языке славян. Оно означает колос, звон, броня. Какой смысл вкладывали в название острова поморы, выяснить можно только на месте.

– Пиши приказ по экспедиции. Летом отправляемся на Малый Брун. Чур, я – единственная в отряде. Всю жизнь мечтала одна пожить на необитаемом острове. Шесть лет многовато, а шести недель мне хватит.

– Ты переоцениваешь свои возможности, моя маленькая. Во-первых, их было четверо. Во-вторых, все мужчины, коренные жители, от рождения рыбаки и охотники. А ты – дитя цивилизации, лишь немного подготовленное к жизни на лоне природы. Ты даже огонь не добудешь без спичек, а для них – пара пустяков. В-третьих, архипелаг Шпицберген омывается Ледовитым океаном, здесь практически весь год зима. Это не благодатный остров в тропиках, куда попал твой любимый герой Робинзон Крузо и жил в окружении коз, попугаев, бананов и винограда. Даже в сибирской тайге одному выжить практически невозможно, тем паче, на острове у Полярного круга.

– Но ведь поморы прожили в этих условиях шесть лет и благополучно вернулись.

– Отнюдь, один заболел цингой и умер. Правда, самый флегматичный, если не сказать ленивый. Мало двигался, брезговал есть сырое мясо, пить тёплую оленью кровь, не принимал настой кохлеарии. Поморы называли это растение «ложечная трава». Превосходное средство от цинги, но неприятное на вкус.

– Папа, ты знаешь траву, о которой я даже не слышала.

В тот вечер они допоздна сидели в гостиной их нового дома, любовались игрой огня в камине, пили чай. Отец рассказывал дочери историю поморов.

Они отправились из Мезени промыслить зверя на ранчине, маленьком парусно-гребном судёнышке. Вся команда 14 человек. К тому времени в мире уже никто не ходил по северным морям на гребных судах с открытой палубой. Только русские со свойственной им бесшабашностью и молитвой Николаю Угоднику, покровителю мореходов, продолжали плавать на своих утлых лодчонках. В первый же приличный шторм волны заплёскивали судно, и оно шло ко дну.

И с навигацией у них было не всё в порядке. Вот и наши поморы правили на Большой Брун, но сбились с курса и попали на Малый. Не очень огорчились. Им всё равно где промыслить, была бы удача.

Возле острова судно затёрло льдами. На берег четверо разведчиков отправились пешком. Предусмотрительно захватили с собой ружьё, двенадцать зарядов, топор, лопату, котелок, муку. Зачем им понадобилась лопата, ума не приложу. Может быть, у поморов имелся перечень предметов, обязательных для выходов в нежилые места, и в него входила лопата. Трут, огниво, гребешок и нож с рукоятью из моржовой кости каждый носил на поясе. У поморов считалось неприличным мужчине быть без ножа.

Остров они знали и высадились в том месте, где на берегу стояла изба, специально срубленная для охотничьих артелей. Изба оказалась в полном порядке. Да и что ей могло сделаться в консервирующем климате Приполярья. Поморы истопили печь, поужинали и легли спать. На твёрдой земле, под надёжной крышей спалось сладко.

Ночью сорвался ветер ураганной силы. Утром островитяне поспешили на берег. Там было пусто – ни льдов, ни ранчины. До самого горизонта бесновались волны. Судно вместе с береговыми льдами унесло в океан.

Ни через день, ни через месяц ранчина за артельщиками не вернулась. Отсутствие могла означать только одно – судно погибло, и скорого вызволения можно не ждать. Если их будут искать, то на Большом Бруне, куда они собирались. Про их плутания на большой земле ведь никто не знал. Крохотная надежда оставалась на таких, как они, сбившихся с курса мореходов.

Духом они не пали, решили, на всё воля божья. Принялись обустриваться всерьёз и надолго. По календарю ещё август, но на пороге уже стояла суровая полярная зима. Первым делом отремонтировали избу. Проконопатили стены мхом, поправили крышу, переложили печь. На севере надёжное укрытие от холода и ветра – важнейшее дело.

В просторной избе места хватало, вполне можно было зимовать. В поморских сёлах хороший хозяин имеет запас дров на две зимы. Они наготовили на три. Благо, недостатка леса не ощущалось. Море щедро выбрасывало на берег брёвна, обломки кораблей, целые деревья с вершинами и корнями, вынесенными реками в половодье. Оставалось рубить и складывать в поленицы.

Из имевшихся у них зарядов ни один не пропал даром. Они добыли двенадцать оленей и на полгода обеспечили себя мясом. Сразу озаботились изготовлением оружия. Соорудили кузню. Наконечники для стрел и копий ковали из железа, добытого в корабельных обломках. Научились делать луки. Тетиву скручивали из оленьих сухожилий. С копьями ходили на белых медведей. Вчетвером били их свободно. Сала, мяса имели вдоволь. Меха выделявали, бережно хранили, дабы вернуться не с пустыми руками.

Проходил год за годом. Они выделявали кожи, шили одежду, обувь. Наловчились делать настоящие иголки с ушками и шили обновы, как заправские портные.

В поисках новых охотничьих угодий постоянно обследовали остров. Верстах в пятидесяти от зимовья нашли хорошую глину, слепили из неё лампадку, заправили топлёным салом и целых четыре года поддерживали в ней негасимый огонь.

Жили сытно, лишений не терпели, однако по дому тосковали и не теряли надежды вернуться. На берегу в постоянной готовности держали кучи сухого хвороста для сигнальных костров и насаженные на длинные шесты до бела выделанные олени шкуры.

Корабль подошёл к острову через шесть лет. Опять же только потому, что сбился с курса, и опять русский. Их приняли на борт вместе с богатой добычей. На прощанье они сняли шапки, поклонились приютившему их острову, могиле товарища. Судно ошвартовалось в Архангельске 28 сентября 1749 года. На том робинзонада по-русски завершилась.

– Почему так несправедливо, папа? – неожиданно заключила Яна. – Про чужеземца Робинзона Крузо в России знает каждый ребёнок, а про подвиг соотечественников, требующий неизмеримо большего мужества не знает никто или считанные единицы.

– Ты знаешь, дочь, мудрость, гласящая «нет пророка в своём отечестве», это про нас. Говорю с болью и не унижая достоинства русских, потому что сам до мозга костей русский. Кроме очерка француза читал о поморах повесть Константина Бадигина «Путь на Грумант». Замечательная вещь. Она издавалась несколько раз, но очень скромными тиражами.

Горячее желание Яны немедленно отправиться на остров Малый Брун отец охладил, показав ей карту. Архипелаг Шпицберген отделяла от России прочерченная по линейке государственная граница. Теперь Малый Брун принадлежит Норвегии и по-норвежски называется Эдж.

– Не огорчайся, на необитаемый остров ты попадёшь, – утешил он дочь. – Видишь эту точку в Баренцевом море? Сюда мы с тобой пойдём. Готовься. До отхода судна осталось шесть месяцев.

– Я готова, могу отправиться хоть завтра.

– Дочь моя, до чего же ты самонадеянна. Только над списком снаряжения надо неделю думать.

– Папа, снаряжение не самое главное. Экипироваться можно за две недели. Были бы деньги. Я имею в виду психологическую готовность, чем, наверное, и отличались поморы. Сама жизнь подготовила их переносить любые лишения. Они были глубоко верующими людьми, и для них отказ от борьбы за жизнь равнялся самоубийству, что считалось тяжким грехом. Ни один из них не мог принять такой грех на душу.

– Ты права. Православие определяло для поморов нравственное начало. Ещё сохранившееся язычество заставляло принимать природу как данность. Они не боролись с природой и не покоряли её, они к ней разумно приспосабливались.

– Папа, я хочу быть похожей на поморов. Пусть я неверующая, но из жизни добровольно не уйду ни за что и никогда. Буду цепляться за малейшую возможность, чтобы жить. Психологически я готова есть мышей, лягушек, пить оленью кровь, запасать дрова, добывать огонь. Одним словом, делать всё, чтобы сохранить дарованную мне жизнь.

Бруно с изумлением слушал дочь и понимал, что она давно уже не ребёнок. Совершенно по-юношески ему захотелось немедленно отправиться в путь, качаться на свинцовых волнах Ледовитого океана и подставлять лицо холодному ветру Арктики.

Весеннюю сессию Яна сдала досрочно, перешла на четвёртый курс. За зиму подготовила себе снаряжение, всерьёз полагая одной высадиться на необитаемый остров. Первым делом купила рюкзак типа поняги. Она не раз её видела в тайге у охотников-промысловиков. Незамысловатое устройство, всего-то доска с лямками. На ней крепится поклажа. Ходить удобно, меньше устаёшь. Секрет в том, что груз равномерно распределяется по спине. В купленном Яной рюкзаке вместо доски использовалась рамка из лёгких дюралевых трубок и натянутых на неё ремней.

Не отказала себе в удовольствии вычистить и смазать свой малокалиберный карабин. Ей приятно было держать его в руках, трогать лакированное ложе, воронёный ствол. С сожалением вернула оружие в плотные пенопластовые ложементы футляра. Отдельное гнёздышко в нём предназначалось для оптического прицела. Футляр вкладывался в невзрачный брезентовый чехол.

Бруно не очень удивился, когда Яна показала ему карабин. В экспедициях он часто видел её с оружием в руках, она была удачливее многих мужчин, часто приносила в лагерь уток, гусей. К охоте она относилась без женской жалости, но никогда не жадничала, добывала ровно столько, сколько требовалось на еду. Его изрядно расстроило, что купила она свой карабин из-под полы и без разрешения милиции.

– Ты хоть понимаешь, в какую историю можешь залететь? – пытался он вразумить дочь. – За хранение огнестрельного оружия в тюрьму сажают. В Уголовном кодексе есть специальная статья.

– Папа, ты с луны свалился, – парировала Яна. – Половина охотников Сибири имеют нарезное оружие без разрешения. Купить можно винчестер, карабин, трёхлинейку. Если пожелаешь, могут достать пулемёт «максим» или гранатомёт. Всё что угодно, были бы деньги.

Законопослушный, всегда отличавшийся дисциплинированностью, Бруно слушал разиня рот. Яна рассказывала просто удивительные вещи. Дочери он верил абсолютно и в достоверности её рассказа ничуть не сомневался. Яна вводила отца в мир, о существовании которого он даже не подозревал.

Городская толкучка, официально называемая вещевой рынок, работает по выходным. Знающий человек посоветовал Яне пойти пораньше. Она так и сделала. Вообще досконально выполняла полученную от него инструкцию. Не торопясь, ходила по рядам, разглядывала ковры, обувь, посуду, парфюмерию, приценивалась. Очень натурально производила впечатление праздной барышни. Тем не менее, чётко выдерживала заданное направление, постепенно приближалась к последним рядам вдоль глухого забора. Глухим он был для непосвящённых. Знающие люди знали несколько досок, висящих на одном гвозде и позволяющих исчезнуть через них в мгновение ока.

В последних рядах торговали всяческим отслужившим свой век барахлом, вроде старых замков, ржавых напильников, мятых примусов, алюминиевых ложек. Никто здесь ничего не покупал. Однако продавцы, дядьки пенсионного возраста с колючими глазами, терпеливо ждали, курили дешёвые папиросы, мёрзли, притопывали подшитыми валенками.

У некоторых в консервных банках вмеремешку с болтами, гайками, шурупами, шайбами лежали ружейные, винтовочные или пистолетные гильзы. Одни позеленевшие от времени, другие сравнительно свежие. У многих имелись гильзочки от малокалиберных винтовок. Вот на них-то Яна и обращала внимание, старалась выбрать которые посвежее, вроде бы даже как в заводской смазке.

Она несколько раз прошла по рядам, давая себя заметить, хорошенько разглядеть. Этот момент тоже был предусмотрен данной ей инструкцией. Наконец, остановилась около одного продавца, взяла в руки гильзочку, повертела в пальцах, посвистела в неё, поглядывая в лицо хозяину. Дядька благожелательно улыбнулся, пошутил.

– Чё, дочка, поиграть захотела? Так тебе кукла нужна.

– Я, дяденька, большая, в куклы наигралась. В медицинском институте учусь, скоро врачом буду. Может, ты ко мне ещё лечиться придёшь.

Тот слушал внимательно. Соседи с обеих сторон сверлили взглядами. Яна с детской непосредственностью рассказывала о себе.

– Через месяц поеду домой на каникулы. Самый сезон на белку сходить с карабинчиком. Если бы ещё с оптическим прицелом. Мечта. Да где его взять.

Вздыхнула, положила гильзу, натянула варежку, собираясь уходить в связи с бесполезностью разговора. Однако продавец был склонен побеседовать ещё.

– Нынче, дочка, кедровая шишка не уродилась, белки не жди.

– У нас белка есть, – возразила Яна. – Вчера с отцом по телефону разговаривала, специально спросила.

– Где это у вас?

– В Чуйском районе живём. В самой Чуе. Родители геологи. Янковские. Слышали такую фамилию? Дом у нас возле больницы, на взгорке. Родители говорят, мне на работу будет близко ходить, когда институт кончу. Дом заметный, с мансардой. Папа её называет девичьей светёлкой.

В незатейливой болтовне Яна рассказывала продавцу о себе, о родителях, как и учил её тот осведомлённый знакомый. Невзрачные дядьки в стоптанных валенках и есть продавцы оружия. Гильзы в банках – это номенклатура имеющегося оружия. Дядьки первыми вступают в контакт с покупателем, ведут ни к чему не обязывающие разговоры, выясняют, что за человек покупатель, можно ли ему доверять. Потом ещё наведут о нём справки.

Яна ни о чём продавца не спрашивала. По вспыхнувшему на секунду в его глазах огоньку почувствовала, что их фамилия ему знакома, может быть, он даже знает отца, только виду не подаёт. Коли так, то и ей не следует проявлять любопытство. Она даже не стала спрашивать, как его зовут. Захочет – скажет, не захочет – нечего соваться. Здесь он спрашивает, её дело отвечать.

Дядька продолжал потихоньку выпытывать.

– Чего тебе отец мелкашку не купит, если уж ты охотница. В милиции его знают, разрешение дадут. Тогда и прятать не понадобится, будешь открыто держать.

– Папа к оружию равнодушен, считает его баловством. Он даже свой служебный «винт» на зиму в управление сдаёт. Не охотник. Ему только полезные ископаемые искать. А я сплю и вижу малокалиберный карабин с оптическим прицелом. По мне он в самый раз. Я каждое лето с папой в экспедицию хожу. У одного в отряде была мелкашка, так я с ней больше птицы добывала, чем наши охотники с двустволками. А своё оружие добычливее. Ведь правда?

– Факт. Свой ствол и надёжней, и добычливей. Ты, охотница, скажи мне, где собираешься карабин держать. Поди, в общежитии живёшь.

Вопрос Яну врасплох не застал, она его предвидела и заручилась обещанием дядьки Чифирия выручить её. Он теперь живёт в своём доме на берегу Ангары. Круглый год рыбачит, охотится. В экспедиции не ходит, на пенсии. Яна частенько его навещает.

– Есть у меня надёжный друг. Выручит.

– Ишь ты, какая шустрая. Только приехала, а уж надёжным другом обзавелась.

– Он меня с пяти лет знает. Я ему радикулит лечила. До сих пор дружим.

– Кто ж такой?

– Дяденька Чифирий. Вообще-то он Павел Евстигнеевич Евстропов. Это мы его так в экспедиции звали. Он любит очень крепкий чай. Охотник и рыбак первостатейный.

У дядьки одна бровь дрогнула и полезла под шапку. Похоже, они были знакомы и даже очень близко. Больше ни о чём продавец не расспрашивал, попрощался приветливо, наказал захаживать – вдруг на её счастье что-нибудь, когда-нибудь да и подвернётся.

С толкучки Яна поехала к Павлу Евстигнеевичу, подробно пересказала ему разговор с продавцом. Как выяснилось, они действительно были знакомы, что в немалой степени способствовало успеху дела.

Скоро Яна имела долгожданный карабин. Новенький, в заводской смазке, он самодовольно поблескивал воронёным стволом, тёмно-вишнёвым лакированным прикладом. Перед спусковой скобой чуть выступал магазин на пять патронов. Именно о таком она и мечтала.

– Не переживай, – успокоил её дядька Чифирий, – зарегистрированный ствол в любой момент могут забрать. Тебе его вроде на время дали, хоть и за твои деньги. А этот твой. Навсегда.

Островитянка

В естественный для острова мерный гул морского прибоя, крик чайки и свист ветра вклинивались чужеродные звуки от ударов металла о камень.

В гнезде на уступе высокой скалы встрепнулись кречеты. Самка теснее прижалась к тёплым яйцам, самец камнем пал с высоты, расправил крылья, круто взмыл ввысь, начал описывать над островом круги. Ничто не ускользало от зорких глаз. Он видел, как от его скользящей тени цепенели в гнёздах гагары, убегали в норы тундровые мыши.

Не обратили внимания на птицу и даже не заметили её люди возле дюралевой шлюпки. Бруно торопливо выбрасывал на берег тюки, ящики, мешки с продуктами. Гряда скальных обломков не позволяла вытащить шлюпку на берег, и разгружать приходилось с воды. Яна изо всей силы держала лёгкое судёнышко, не давала биться о камни, по крайней мере, смягчала особенно сильные удары. Волны будто яичную скорлупу кидали шлюпку с гребня на гребень.

У них не было времени выбрать подходящее место для высадки. Капитан катера получил штормовое предупреждение и торопился подальше уйти от скалистого острова. Он предлагал им высаживаться дня через два. Жаль было терять время на ожидания.

Выгружая на берег последние самые тяжёлые ящики с консервами, Бруно инструктировал дочь.

– Шлюпку надо возвращать на катер. Если капитан разрешит ещё одну ходку, кто-нибудь из матросов меня подбросит. Если нет, то тебе придётся шторм пережить одной. Не хочешь оставаться – грузись и полный вперёд на катер. Груз оставим на берегу, его никто не тронет. Утихнет шторм – вернёшься. Мне будет спокойнее.

– Не волнуйся. Возвращайся и не испытывай судьбу. Посмотри, какую волну развело. Шлюпку уже сейчас трудно поднять на борт, а ещё через двадцать минут волны первым ударом расшибут её в лепёшку. Каково придётся матросу. Зачем рисковать жизнью человека.

С катера донёсся отрывистый вой сирены – их торопили.

– Яна, держись за гриву! – попрощался Бруно с дочерью.

– Папуля, не грохочи сапогами, – не осталась в долгу дочь.

Они обменялись взглядами, полными почти осязаемой теплоты, и расстались уверенные друг в друге.

Малышка справится, думал Бруно о дочери. Ей давно хотелось пожить на необитаемом острове, и обстоятельства сложились словно по заказу. Даже если мы придём через неделю, она продержится. Продукты, снаряжение есть. Только бы не простудилась.

Замечательный у меня папка, размышляла Яна. Другой бы истерику закатил – как это дочь одну оставить на острове. Или наставлениями закидал, а он уверен во мне, трезво оценивает мои возможности.

Родные по крови, они ещё были близки по духу. Оба преклонялись перед природой, умели приспосабливаться к ней, сближаться. Жизненная философия Бруно звучала коротко – истина есть природа, женщина, смерть и Бог. Он даже не мог бы сказать, вычитал это или однажды понял сам.

Яна поднялась по осклизлым валунам к сваленному в кучу снаряжению. Уселась на ящик с теодолитом, разулась, вылила из сапог холодную воду, стянула прилипшие к ногам мокрые джинсы. Сверкая трусиками, сплясала на валуне летку-енку. В принципе она могла бы обойтись без плясок. Просто ей надо было показать наблюдающим за ней с катера, что на необитаемом острове всё в порядке, и у неё никаких проблем.

Достала из рюкзака сухие брюки, кроссовки. Так приятно было переодеться и заодно похвалить себя за предусмотрительность. Без сменной одежды и обуви в походных условиях нельзя. Конечно, сейчас хорошо бы развести костёр, обогреться, попить чайку. Трудностей

с дровами не предвидится, плавника кругом сколько угодно. Только сейчас не до костра. Погода портится с каждой минутой, надо быстрее ставить палатку, убирать продукты, снаряжение. Успеть запасти дров, пока они не намокли. Потом можно сидеть у костра, обедать, отдыхать. Сейчас надо работать. Как говорит отец, с весельем и отвагой, вперед и выше.

Место для палатки Яна выбрала под высокой отвесной скалой. Она может стать хорошей защитой от северного ветра, который как раз и набирал силу, грозя перерасти в ураган.

Ставить палатки она умела. В расщелину затолкала обрубок ствола и привязала к нему натяжную верёвку. С другой стороны расстилась ровная каменистая площадка. Загнать в неё металлический штырь кувалдой, наверное, удалось бы. Теоретически, а практически пришлось исходить из реальных возможностей – штыря нет, кувалды нет, а оттяжку за что-то привязывать надо.

Она нашла выход. Притащила с берега длинный крепкий сук, завалила оба конца камнями, за середину захлестнула верёвку и натянула. Поставила в палатке опорные колья, боковые оттяжки завязала за крупные камни. Прочная лавсановая палатка загудела барабаном. Теперь ей не страшны ни ветры, ни дожди. Морозов по летнему времени не ожидается.

Взялась перетаскивать снаряжение. И вовремя. Ветер разгулялся не на шутку, срывал верхушки волн и щедрым дождём поливал сложенные на берегу мешки, ящики. Вещи в палатке она складывала, как учил отец, по мере востребованности. Вниз, что надобится редко, наверх, чем пользуешься каждый день. Свой карабин положила на спальный мешок.

Отец иронизировал, называл малокалиберный карабин детской брызгалкой. Она оставалась при своём мнении. Карабин любила, не упускала случая с ним поохотиться, считала удобным и функциональным. Полагающиеся геологам армейские карабины стреляли с пушечным грохотом, отдача больно ударяла в плечо. От выстрела катилось громовое эхо, распугивая и повергая в ужас всё живое. Из него раз стрельнуть и про охоту можно не вспоминать весь день. У малокалиберного карабина выстрел раздавался, как лёгкий вскрик, треск сучка под ногой.

На весенней охоте Яна стреляла из карабина гусей, уток. Затаивалась в укрытии, тщательно выбирала цель и нажимала на спусковой крючок лишь уверенная в точном попадании. Птицу била в голову. Старалась угодить в глаз.

Когда щипали добытых ей птиц, не вдруг находили место попадания. Мужчины, считавшие себя меткими стрелками, видя в утиной голове сквозное отверстие, не верили своим глазам, сдержанно хвалили.

– Да, Яна, этот выстрел не спяна.

– Патроны экономлю, – отшучивалась она.

Снаружи Яна оставила пилу, топор и коробки с консервами. Густо смазанные солидолом, жестяные банки всё равно никто не тронет – запах отпугнёт. Можно не загромождать ими палатку.

Оставалось позаботиться об устройстве спального места. Отец приучил её никогда не спать на голой земле. В тайге на подстилку они рубили еловый лапник, сосновые, пихтовые ветки. Если останавливались надолго, то делали топчаны. На два коротких толстых чурбака клали жерди, на них сухую траву, мох, хвою, сверху спальный мешок. Получалось тепло, сухо. Яна решила делать заготовки для топчана и одновременно пилить дрова.

В грудах плавника почти не было тонких ветвей, которые можно было бы переломать, перерубить и сразу пустить на костёр. В основном лежали стволы деревьев вместе с остатками корневищ и толстыми сучьями. Отпиливала, что потоньше, и относила к палатке. Там, под защитой скал, было гораздо тише, ветер не валил с ног, как здесь, на открытом месте.

Наметила, где выложит из плоских камней очаг. Сооружение примитивное, но позволяет разводить огонь в любую погоду, даже под проливным дождём. Угли из очага можно набирать в ведро, заносить в палатку, обогреться, готовить пищу. Вскрытая банка тушёнки закипает

на углях в считанные минуты. В экспедициях они всегда так делали, если шли затяжные дожди. Дядька Чифирь насыпал угли в плоские банки из-под селёдки, заталкивал под свой топчан и спал как на печке.

Здесь надо обязательно делать топчан, спать на голых камнях нельзя. Даже если ещё один спальник подстелить под себя, от пронизывающей сырости он всё равно не спасёт. Хорошо бы развести большой костёр, прогреть, просушить землю, а уж потом на это место ставить палатку. К сожалению, нет времени, непогода заставляет торопиться. Ничего, сейчас не зима, соорудит топчан, и всё будет в порядке.

Для поперечных чурбаков Яна выбрала толстые брёвна. Нужных для настила тонких жердей не нашла, пилила всё подряд, обрезки оставляла на топливо. Выступающие сучья, горбы, шишки старательно стёсывала топором. Потрудилась, зато топчан получился ровным.

Ветер гнал обрывки туч, сбивал в плотное свинцовое покрывало. Волны с грохотом били в прибрежные валуны. Камни поменьше зашевелились, начали наскакивать на массивные, неподвижные глыбы, словно собачонки на мирно дремлющих быков. Брызги летели далеко на берег, проливным дождём падали на плавник. Море кипело не шуточным штормом, на буйство стихии жутко было смотреть.

Катер вовремя покинул опасное место, давно скрылся за горизонтом. Яна иногда замирала с топором в руке, тревожно всматривалась вдаль, старалась представить, как судёнышко противостоит натиску беснующихся волн. Она отгоняла тревожные мысли, но уж слишком похоже начиналась её экспедиция с высадкой поморов на Малый Брун. Конечно, стальное судно с мощным дизелем не сравнить с парусным судёнышком поморов, но ведь и теперь случаются кораблекрушения. Чаще всего как раз в шторм.

Встряхнула головой, отгоняя тревожные мысли, словно назойливое комарье. Нечего нюни распускать, работать надо.

Дров заготовлено достаточно, осталось нащипать лучины для растопки. Бересты здесь не найти. В её маленьких крепких руках топор точно опускался в середину чурбаков, откалывал аккуратные поленья. Нащипала пучок лучины, отнесла в палатку. Сложенные в поленицу дрова накрыла полиэтиленовой плёнкой, придавила камнями. Как говорит отец, сухие дрова – залог здоровья.

Самой понравилось обустройство лагеря. Хозяйство у неё получалось уютное, обеспеченное. Она ещё не знала, какие испытания уготовила себе по собственному легкомыслию.

Пока ей всё нравилось. Палатку поставила по всем правилам, дров запасла, снаряжение убрала, имеет продукты, оружие, патроны. Что ещё надо. Трудностей с пресной водой не предвидится. Под скалами сколько угодно снега. Может быть, на острове есть источники пресной воды. Надо будет обследовать свои владения. Только не сегодня.

Воздух под напором ветра спрессовался, загустел. Казалось, его можно резать на куски, как снег. Резко холодало. Дыхание курилось паром. Если бы сейчас пошёл дождь, то он хлестал по земле ледяной дробью. Вместо дождя ветер принёс снег. Белые космы трепыхались на ветру с треском рвущегося полотна. Ни одна снежинка не оставалась на земле, ветер всё сбрасывал в море.

Из обязательных работ Яне оставалось сложить очаг. В снегопад он защитит огонь, нагретые камни можно занести в палатку для обогрева. Ведро с углями тоже выручит. Чего доброго, к ночи ударит мороз.

Руки на ветру коченели. Яна вспомнила о рукавицах. Отец бережёт руки, с лопатой, ломом работает только в рукавицах, всегда берёт их в экспедиции. И сейчас две пары новеньких рукавиц лежали в ящике с инструментами. Из толстого брезента, по всем статьям хороши, только великоваты, не для девичьей руки. Захватить свои перчатки ей и в голову не пришло. На дворе июнь, лето, какие перчатки. Оказывается, на острове в Баренцевом море пара крепких перчаток может пригодиться даже летом.

В рукавицах камни не леденили руки, работать было приятнее и удобнее. Очаг у неё получился вроде маленького тоннеля, перекрытого плоскими камнями. Не поленилась и в торце выложила трубу. Если бы класть на глине, то получилась настоящая печь. Но и так хорошо, никакой ветер не загасит пламя.

Из щепок Яна сложила в очаге колодец, подложила сухую лучину. Осталось чиркнуть спичкой, и первое чудо природы одарит её теплом и светом.

В Архангельске они с отцом заходили в охотничий магазин, и там Яне понравились спички. Коробок обычный, но спички толще, с синей головкой, вспыхивают хлопком, горят жёлтым шаром, на ветру не гаснут. Развести костёр хватит одной.

Яна протянула руку к нагрудному карману куртки, всегда застёгнутому на клапан. В нём она держала спички. Ещё не коснувшись кармана, сжалась в тревожном предчувствии. Пустота под пальцами подтвердила – спичек нет. Она старательно искала в тесном матерчатом пространстве коробок, словно это крохотная бусинка, способная закатиться в шов.

Хотя уже понимала бесполезность поисков, на всякий случай проверила боковые карманы. До мельчайших деталей вспомнила последнюю минуту на борту катера.

Они закончили погрузку. Отец стоит в шлюпке, осматривает груз, вспоминает, не забыто ли что-нибудь. Она перегнулась через борт, берёт в руки штормтрап, чтобы спуститься. Рядом стоит боцман, сопит большущей можжевелевой трубкой, хлопает себя по карманам в поисках спичек. У Яны мелькает озорная мысль дать ему прикурить от охотничьих, и она протягивает коробок.

В этот момент отец кричит ей:

– Прыгай!

Они оба видят бегущую на катер крутую накатную волну. Если замешкаться, немедленно не отвалить, то она вмажет шлюпку в стальной борт. Яна перекидывает ноги через борт, едва придерживается за штормтрап и прыгает в шлюпку. Отец изо всей силы отталкивается от катера, одновременно дёргает пусковой шнур, мотор ревёт, они на секунду опережают волну и ложатся курсом на остров. Спички остаются на катере.

Ветер закрутил над палаткой крутую спираль, больно стеганул по лицу колючим снегом. Снежинки едва ли не с шипением растаяли на пылающих девичьих щеках, засверкали чистыми росинками. Яна не могла вспомнить, когда ей было также досадно и стыдно, как сейчас.

Надо же так промахнуться по собственной глупости, укоряла она себя. Боцман прекрасно обошёлся бы без моих спичек. Нет, захотелось поозоровать, поглядеть, как он испугается. Вот и поглядела.

Яна нырнула в палатку. Холод и ветер остались снаружи, за лавсановым пологом. Присела на топчан и сразу почувствовала, как устала за день, проголодалась. Завтракали они на катере вместе с командой. Её укачивало, в рот ничего не лезло. От котлет с гречневой кашей отказалась, через силу пожевала хлеба и выпила полстакана крепкого чая.

Её японские часы «Сейко» показывали половину пятого. Вот это номер, удивилась она. Время спать, а мы ещё не ели. И вообще с кормлением предстоят проблемы. Ни чаю, ни горячего ей не видать до прихода катера. Пока гудит шторм, ждать не имеет смысла. Сколько он прогудит, никому не известно. Может к утру стихнуть, а может и неделю бушевать.

Надо искать способ добыть огонь. Температура в палатке неизбежно упадёт и скоро сравняется с наружной. Обморозиться сложно, но простудиться можно. Бесконечно греться физическими упражнениями, вроде заготовки дров, нельзя, надо всё-таки отдыхать, спать.

Она заставила себя встряхнуться, вспомнить золотые правила геологов. Жить, решая задачи поэтапно – раз. Кто не ест, тот не работает и даже не соображает, – два.

Развязала мешок из прорезиненной ткани, куда сама складывала хлеб, соль, сахар, пшено, вермишель. Сейчас её интересовал только хлеб. Холодную тушёнку есть не хотелось.

Под руку попался незнакомый увесистый свёрток. Яна развернула бумагу, и над островом, перекрывая свист урагана, понёсся ликующий клич:

– Ура! Живём! Папуля, ты гений! Умеют же одарённые дети выбирать родителей.

Перед ней нежно розовел кругляш ветчины, приличный кусок сыра и две плитки шоколада «Гвардейский». Бруно знал, как равнодушна дочь к двухслойным бутербродам и шоколаду с горчинкой. Решил побаловать ребёнка. И очень кстати.

Пара приличных бутербродов с ветчиной и сыром отняли у неё не очень много времени. Плитку шоколада она разломала пополам, чуток поколебалась и ограничилась четвертинкой. Иногда Яна проповедовала воздержание и тогда убеждала себя, как важно быть умеренной в еде. Сегодня был не тот случай. Она не курила, не признавала спиртного, но любила вкусно поесть.

Шоколад ещё хрустел на её крепких, ослепительно белых зубах, когда она решительно поднялась, потуже затянула капюшон, натянула рукавицы и с ножовкой в руке приготовилась добыть огонь. Предвкушение скорой схватки с обстоятельствами щекотало нервы, внушало уверенность. Она уже знала, что добудет огонь способом поморов. Папа описывал его подробно. Там всё просто, надо лишь хорошенько поработать.

Стоило выйти из-под защиты скалы, как ветер ударил ей в спину и швырнул наземь. Похоже, ей предлагали передвигаться на четвереньках. Способ известный, но не подходит. Она поднялась, отвалилась спиной на ветер и медленно двинулась к навалам плавника. Ветер толкал в спину, нёс на себе, оставалось только передвигать ноги.

Сохранивший гибкость еловый корень она отпилила быстро. Пришлось потрудиться над коротким, сантиметров двадцать длины и такой же толщины чурбачком. Ножовка вязла в смолистой древесине. Ель не успела вымокнуть в морской воде. Может быть, ещё зимой красовалась на обрывистом берегу Двины, весной полые воды подмыли её и вынесли в море.

Обратный путь оказался ещё труднее. Ветер наваливался тяжелой резиновой стеной, врывался в лёгкие, не позволял сделать вдох, ледяной ладонью зажимал ей нос, рот. Она крепче обхватила свои заготовки, пилу, приготовилась хоть ползком, но добраться до палатки. Собственно, другого выхода у неё и не было.

Силищу ветра нельзя побороть, но можно перехитрить. Она согнулась в три погибели, и сопротивление сразу уменьшилось. Закрыла лицо рукавицей и приспособилась делать короткие мелкие вдохи.

Едва добралась под укрытие скалы, как с плеч свалился груз неимоверной тяжести. Над головой ветер ревел, трепал снежные космы, а тут царил покой, в плавном хороводе кружились снежинки. Теперь она понимала, почему на северных метеостанциях от жилья до площадок с приборами натягивают леера, и люди ходят, держась за них. Иначе ветер унесёт, закинет куда-нибудь в овраг да ещё снежком присыплет. Совершить ещё такую вылазку она бы не смогла, не хватило бы ни духу, ни сил.

Яна расколола принесённый чурбачок точно пополам. В одной половинке на плоской стороне, в другой на выпуклой провертела углубления острым носком топора. Отрубила от гибкого корневища изогнутую часть, прихватила ровную палку и пошла в палатку доделывать приспособление. Оставалась чистая работа.

Ножом она застрогала конец прямой палки на конус, натянула на изогнутый корень тетиву из капронового шнура. Получился лук. Перехлестнула тетиву на середине палки. Поровнее положила половинку чурбака плоской стороной вниз, вставила в приготовленное отверстие палку, сверху прижала её второй половинкой чурбака. Если всё правильно сделано, то возвратно-поступательное движение лука заставит вращаться палку. Трение в коническом отверстии вызовет тление древесины. Что и требуется доказать.

Решила сначала испытать приспособление на холостом ходу. Если понадобится, подстрогать, подчистить, потуже или послабее натянуть тетиву. Не на шутку разволновалась.

– Мужчины и дети на сеанс факира не допускаются, – попыталась Яна себя успокоить. – Душевнобольных просят удалиться.

Несколько раз протянула лук на себя, от себя. Вертикально поставленная между чурбачками палка вращалась. Несколько минут Яна сосредоточенно работала. Наконец, не утерпела, потрогала конец палки и ойкнула – пальцы обожгло, словно схватила уголёк. Значит, она на правильном пути, огонь можно добыть. Надо тщательно подготовиться к приёму желанного гостя и приступать.

В экспедиции отец всегда брал пачку стеариновых свечей и фонарь «летучая мышь». Были у них, конечно, и электрические фонарики. Ими пользовались короткое время. Для долгой вечерней работы отец зажигал керосиновый фонарь, ставил на стол и погружался в дневники, отчёты. Он захватил его и в эту экспедицию с запасом керосина в маленькой алюминиевой канистре.

Яна достала из ящика фонарь, подняла стекло, очистила от нагара фитиль. Ничто не должно помешать слабенькому огонёчку поджечь фитиль. Вокруг конического отверстия в чурбаке разложила смоченные керосином полоски бумаги. Можно начинать. Наверное, поморы сейчас коротко помолились бы: «Во имя отца и сына, и святого духа. Аминь».

Плавными, ровными движениями принялась вращать палку. Скорого результата не ожидала, настроила себя на долгую, однообразную работу. Специально не стала смотреть на часы, чтобы не мешало желание узнавать, сколько прошло. Будет работать столько, сколько потребует, пока от деревяшек не пойдёт дым и не посыплются искры. Коли тепло выделяется, то надежда на успех есть. Всё зависит от её терпения и настойчивости. Тем более, она не первая, пример показали предки. Именно таким способом поморы добыли огонь.

Дерево задымилось, а подвинутые к вращающейся палке бумажки вспыхнули быстрее, чем Яна ожидала. Совсем не понадобилось титанических усилий и не пришлось корпеть всю ночь. Она подхватила крохотный факелочек и поднесла к фонарю.

– Ага, попался, – не удержалась она от детского ликования, – который на базаре кусался.

Огонёк уже припекал ей пальцы, а фитиль всё не загорался. Наверное, требовалось время, чтобы нагреть керосин до испарения. Ведь горят-то пары.

– Да будет свет, сказал монтёр, – дурачилась Яна, – и налил керосину.

Фитиль вспыхнул, засветился белым язычком, выбросил вверх чёрное остриё копоти. Яна быстро опустила на место выпуклую колбу, словно спрятала в клетку долгожданную жар-птицу. В сером сумраке палатки засветился жёлтый мигающий огонёк.

Она обеими руками подхватила фонарь и закружилась по палатке под рёв урагана.

Ещё в детстве отец научил Яну водить машину, сама она овладела мотоциклом, в экспедициях частенько садилась за рычаги гусеничного вездехода. Каждый раз ликовала от возможности повелевать силой мотора. Только что освоенное ей примитивное приспособление для получения огня заслонило своей значимостью все технические возможности цивилизации, заполонило душу восторгом. Она одолела стихию, поднялась над силой ветра, победила холод.

Далее всё пошло само собой. Зажгла от фонаря пучок лучины, растопила очаг. Защищённый камнями огонь горел ровно, мощно. Чайник, набитый снегом, скоро закипел. Она заварила чай, отнесла в палатку, закутала в спальный мешок. Разогрела рисовую кашу с тушёнкой, поела. Чаепитие отложила на потом. Пересушила у огня одежду, обувь. Подвалила к очагу ещё камней, пусть греются. На ночь занесёт в палатку. Они будут долго отдавать тепло.

Вообще-то в мороз ночлег лучше устраивать у костра. Сделать навес, заготовить больше дров, чтобы поддерживать огонь всю ночь и спать в тепле. Она так бы и сделала, если не шторм и этот мокрый снег вперемешку с дождём.

Чтобы огонь горел до утра, Яна затолкала в очаг толстые брёвна. Если к утру огонь погаснет, под слоем золы останутся угли. Раздуть их не составит труда. На всякий случай фонарь

гасить не стала, прикрутила фитиль и поставила его в изголовье. Теперь она имела полное право наградить себя кружкой горячего чая и любимым шоколадом.

Ни читать, ни писать ей не хотелось. От неимоверной усталости гудели руки, ноги, голова катилась с плеч. Не часто у неё случались такие деньки, как нынешний, когда приходилось работать с максимальным напряжением сил. Однако она не сплеховала.

– Если я не молодец, то и свинья не красавица, – пошутила над собой Яна.

Она достала из чехла карабин, зарядила, поставила на предохранитель. Сомнительно, чтобы на острове ей угрожала какая-то опасность. Просто с оружием под рукой спать спокойнее.

Забралась в спальный мешок, почувствовала щекой чистую материю вкладыша. Немудрящая постельная принадлежность, обычная простыня, сшитая мешком и вложенная в спальник, давала ощущение комфорта. Они всегда брали в экспедиции вкладыши, Яна не ленилась стирать и себе, и родителям. Стирка не очень романтическое занятие, зато как приятно прижиматься щекой к чистой ткани. Она чуток покачалась на волнах, в какой-то миг ей даже показалось, что она очутилась в уютном кубрике на катере и тут же провалилась в сон.

Всю ночь палатка содрогалась под ударами ветра. От сквозняков колыхался огонёк фонаря, по стенам качались тени. К утру керосин в фонаре почти выгорел, огонёк моргал, готовый вот-вот погаснуть.

Яна проснулась, будто кто её в бок толкнул. Выскользнула из нагретого спальника, взяла приготовленную с вечера свечу, зажгла её от фонаря. Огонёк на прощанье ещё раз моргнул и погас. От фитиля потянулась тёмно-синяя струечка дыма. Яна заправила фонарь керосином и снова зажгла. Пусть ещё погорит, пока она привыкает к новому способу добывания огня.

Шторм не утихал. Ветер с прежней яростью бросался на скалы, огромными кулачищами бил в полотнища палатки. От ударов испуганно метался огонёк свечи. Яна задула свечу, хватит одного фонаря. Может, и он не понадобится, если под слоем золы до утра сохраняются угли.

Дрова в очаге за ночь сгорели, осталась горка золы. Яна тихонько её разгрела, увидела рдеющие угли и порадовалась – огонь жив. Ей осталось поднести лучину, подуть на угли, и скоро её очаг деловито трещал, разогревалась вскрытая банка тушёнки, закипал чайник.

Шторм бушевал неделю. Яне не терпелось обследовать остров, выяснить, чем он примечателен. Она бы уже давно исходила его вдоль и поперёк, если не этот свирепый ветер. Она благоразумно не выходила из-под защиты скалы. Дрова расходовала экономно, и всё-таки сделанный ей запас кончился. По таёжным правилам последнее полено сжигать нельзя. Оно должно остаться на крайний случай самому или следующему, кого захватит поздняя ночь, непогода.

В короткие паузы затишья Яна бегала за дровами. Под щедрым прибоем древесина вымокла, заметно отяжелела. Дрова приходилось пилить, колоть, сушить на ветру, иначе не горели. Ладно, хоть были такие. На острове не росли даже карликовые берёзки, только лишайники и мхи. Во все времена островитян выручало море.

Она ещё несколько раз добывала огонь по способу поморов, убедилась в надёжности приспособления и тогда погасила фонарь. Представляла, как продемонстрирует отцу своё умение, и заранее испытывала удовольствие. Он ценит в людях смекалку, находчивость.

Ветер ещё продолжал гулять над островом, но уже не валил с ног. Яна утомилась сидением в палатке, отправилась в первую вылазку по острову. Уходить далеко не решилась. Наметила час идти по береговой линии в одну сторону, потом вернуться в лагерь, отдохнуть и также пройти в другую сторону.

Только в одном месте нашла разрыв в нагромождении прибрежных валунов, где без риска можно подойти на шлюпке к самому берегу. Здесь волны набегают на пологий галечный пляж. Набрала плавника, сложила высоким конусом. Напористый ветер старательно сушил дрова. Если внутрь положить пару сухих поленьев, лучины, то разгорится моментально, и заполыхает огромный костёр. С катера его обязательно заметят и сообразят, куда посылать шлюпку.

Яна представляла, как волнуется, переживает за неё отец. Он никому не даст ни минуты промедления. Катер, наверняка, стоит под всеми парами. Скорее бы утихомирилось море.

В первое же спокойное утро Яну разбудил отрывистый рёв сирены. Она как чувствовала приход катера, не гасила фонарь, спать легла в одежде. Сейчас сунула ноги в кроссовки, схватила фонарь, приготовленный с вечера пучок сухой лучины и стремглав кинулась на берег.

На катере ещё разворачивали шлюпбалки, а её сигнальный костёр уже пылал, и в небо упирался столб дыма.

Едва спустили шлюпку на воду, Бруно прыгнул, завёл мотор и давил на газ до самого берега. Шлюпка вылетела на берег почти на весь корпус. Окажись на пути скрытый волнами камень, беды не миновать, а уж винт точно разлетелся бы вдребезги. Бог миловал.

Бруно подхватил своё сокровище на руки, закружил по берегу.

– Девочка, моя ненаглядная, как ты раздобыла огонь? Боцмана за твои спички я на запчасти разобрал. Он теперь даже восстановлению не подлежит.

– Папа, морского волка ни за что загубил. Я обошлась подручными средствами. Немножко поработала головой и, кажется, удачно.

На острове они прожили две недели. Исходили его вдоль и поперёк, сделали съёмки, собрали образцы пород. Теорию Бруно о золоте подтверждали выходы углистого сланца с крохотными звёздочками пирита. Наличие или отсутствие в нём золота удастся определить в лабораторных условиях.

Яна не ленилась брать в походы свой карабин, но стрелять было некого. Птицы сидели на гнёздах, песцы щеголяли в таких драных шубах, что без смеха на них смотреть было нельзя. Убивать леммингов, потешных бурых мышек с куцыми хвостиками, Яна никогда бы не позволила ни себе, ни кому-то другому. Если нет мяса или шкуры, то зачем стрелять. И всё-таки ей пришлось сделать выстрел по живой мишени.

В полутора-двух километрах от лагеря высились скалы с крутыми, голыми склонами. На уступе одной Яна заметила сидящую в гнезде хищную птицу в диковинном белом оперении. Круживший поблизости самец тоже был белым. В бинокль Яна разглядела даже крапинки на спинах птиц. Показала отцу.

– Да это же кречеты! – поразился Бруно. – Краса и гордость России. Исчезающий вид из семейства соколиных. Их осталось всего несколько пар. Орнитологи годами ищут и не могут найти гнездовой. Они очень осторожны, от малейшего беспокойства могут покинуть гнездо.

– Это их дарили царям для соколиной охоты?

– Точно. Во все времена у коронованных особ сокол считался достойным подарком. Сегодня их покупают арабские шейхи. Не торгуясь, выкладывают астрономические суммы. Слава богу, сюда браконьеры ещё не добрались.

Больше к той скале они не подходили. За кречетами наблюдали в бинокль, издали и очень короткое время. Однако заметили, когда кречет понёс в гнездо сбитую чайку. Значит, у них появились птенцы.

Их необитаемый остров вовсе не был пустым и безмолвным, он шумел и кипел жизнью. Круглые сутки грохотал прибой, свистел ветер, весь долгий полярный день истошно кричали чайки, гомонили бесчисленные гагары, тявкали песцы. Здесь сильные ловили слабых и отнимали чужую жизнь, чтобы продлить свою. Время на острове текло сплошной чередой больших и малых трагедий. Они не вмешивались в естественный ход событий, только наблюдали. Исключение сделали один единственный раз, и оба считали, что поступили справедливо.

Яна первой заметила странное поведение кречета. Он отчаянно бил крыльями, пытался взлететь, но что-то его держало, тянуло к земле, и он падал. Беспомощностью птицы воспользовался песец. Кружил вокруг кречета, норовил схватить за шею, бросался и получал удар острым клювом.

Похоже, схватка продолжалась долго, в воздухе уже кружились белые пёрышки. Силы были явно неравны. Связанный кречет не мог дать настоящий отпор, а песец наглед и готовился к решительному броску. До развязки оставались считанные мгновения. Помощь кречету требовалась решительная и немедленная.

– Стреляй! – крикнул Бруно.

Яна моментально вскинула карабин. Она ещё ловила в перекрестье оптического прицела песца, а палец уже плавно давил на спусковой крючок.

Попасть в юркого зверька за сотню метров не просто, к тому же Яна ещё невероятно усложнила задачу. Она не могла и не хотела изменять своему правилу – не убивать без нужды, потому чуть переместила перекрестье с левой лопатки песца на основание хвоста и нажала на спуск.

Раздался выстрел, песец завизжал, подпрыгнул, вроде бы с изумлением увидел лежащий на земле собственный хвост и пустился наутёк.

Они подбежали к кречету. Он и людей встретил, готовый к отчаянному сопротивлению. Голыми руками его не взять. Бруно снял куртку, осторожно накрыл птицу. Теперь ему можно помочь.

Невероятно, но кречета держала рыбацкая сеть. Как она очутилась так далеко на суше, оставалось гадать. Может, штормовым порывом подхватило обрывок с гребня волны и занесло, или песец притащил с берега вместе с рыбой. Кречет скорее всего охотился на лемминга и крючковатыми когтями угодил в ячею. Чем сильнее дёргался, тем больше запутывался. На его беду поблизости оказался голодный песец. Спасли сокола люди.

Бруно держал кречета, Яна своим острым, как бритва, охотничьим ножом аккуратно разрезала прочные капроновые нити.

Освобождённый кречет не торопился улетать. Он встряхнулся, аккуратно сложил помятые крылья. Убеждаясь в действительности своего освобождения, переступил когтистыми лапами. Глядел внимательно, строго, что удивительно, в его облике не было и тени страха или робости. Сокол смотрел на людей, как на равных. Ещё раз взглянул, словно запоминая их лица, взмахнул крыльями и стремительно взмыл в небо.

Яна подняла белое соколиное перо.

– Достойная награда за снайперский выстрел.

– Нет, папа. Память о достоинстве, какое не часто встречаешь в людях.

Экспедицию на остров Яна вспоминала часто и с удовольствием. Отец после того памятного выстрела уже не подшучивал над её карабином. Наоборот, проникся уважением и даже предложил взять на себя хлопоты с регистрацией карабина, но она отказалась.

Пережитые неприятности из-за спичек забылись, зато смекалка, умение владеть пиллой, топором оставались приятным воспоминанием. Успешно пережитые испытания не сделали её самонадеянной. Она не стала бы утверждать, что безвыходных ситуаций не бывает. Бывает. Иначе не гибли бы в экспедициях сильные, смелые люди. Другое дело, что нельзя пасовать перед трудностями, всегда надо искать выход. Тут она не сомневалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.